

В. Д. КОРГАНОВ

ЧАЙКОВСКИЙ
НА КАВКАЗЕ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

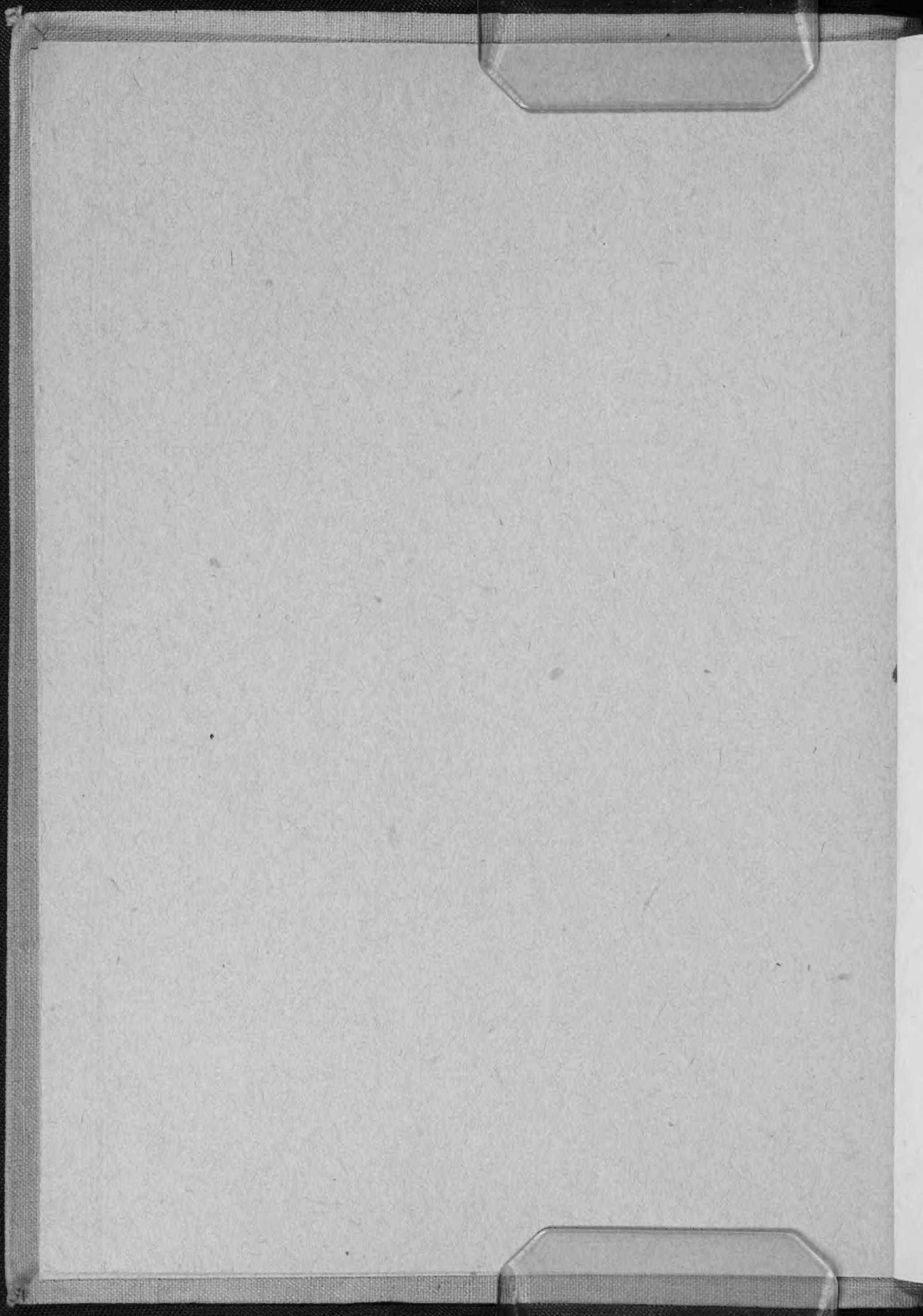
обозначенного здесь срока

53100

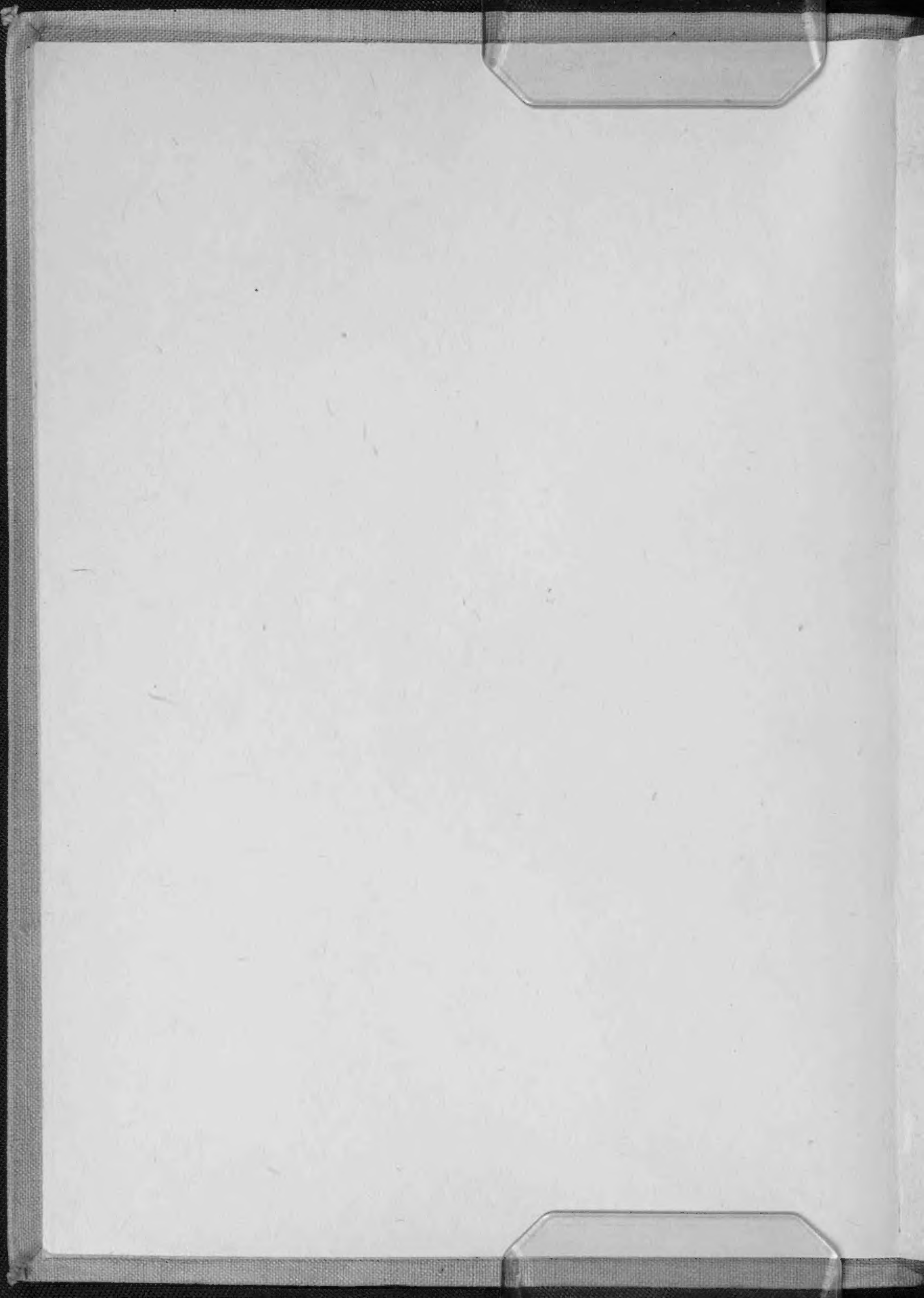
[illegible]

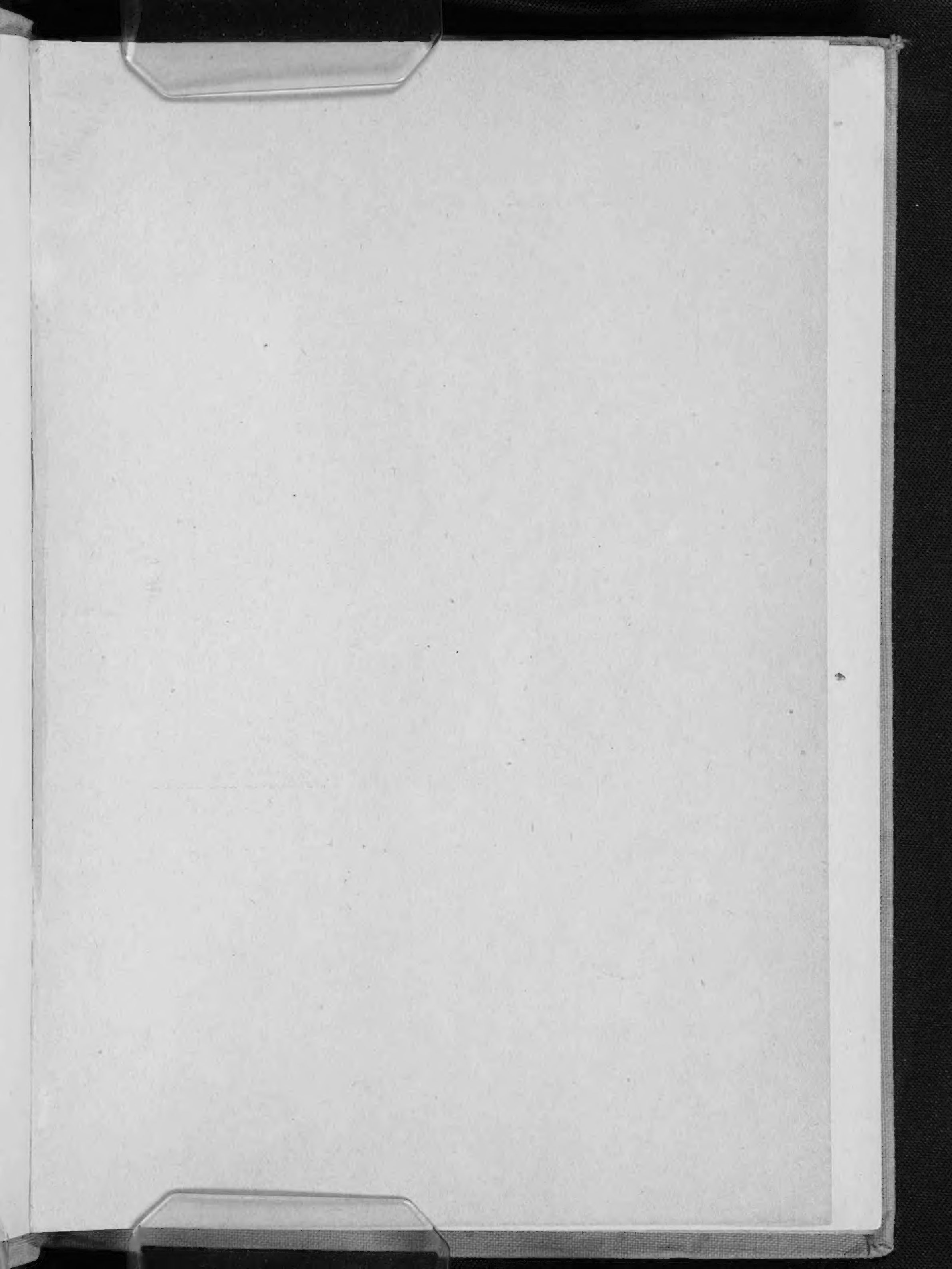
OK. 11/17. T. Pacy 15/10/18

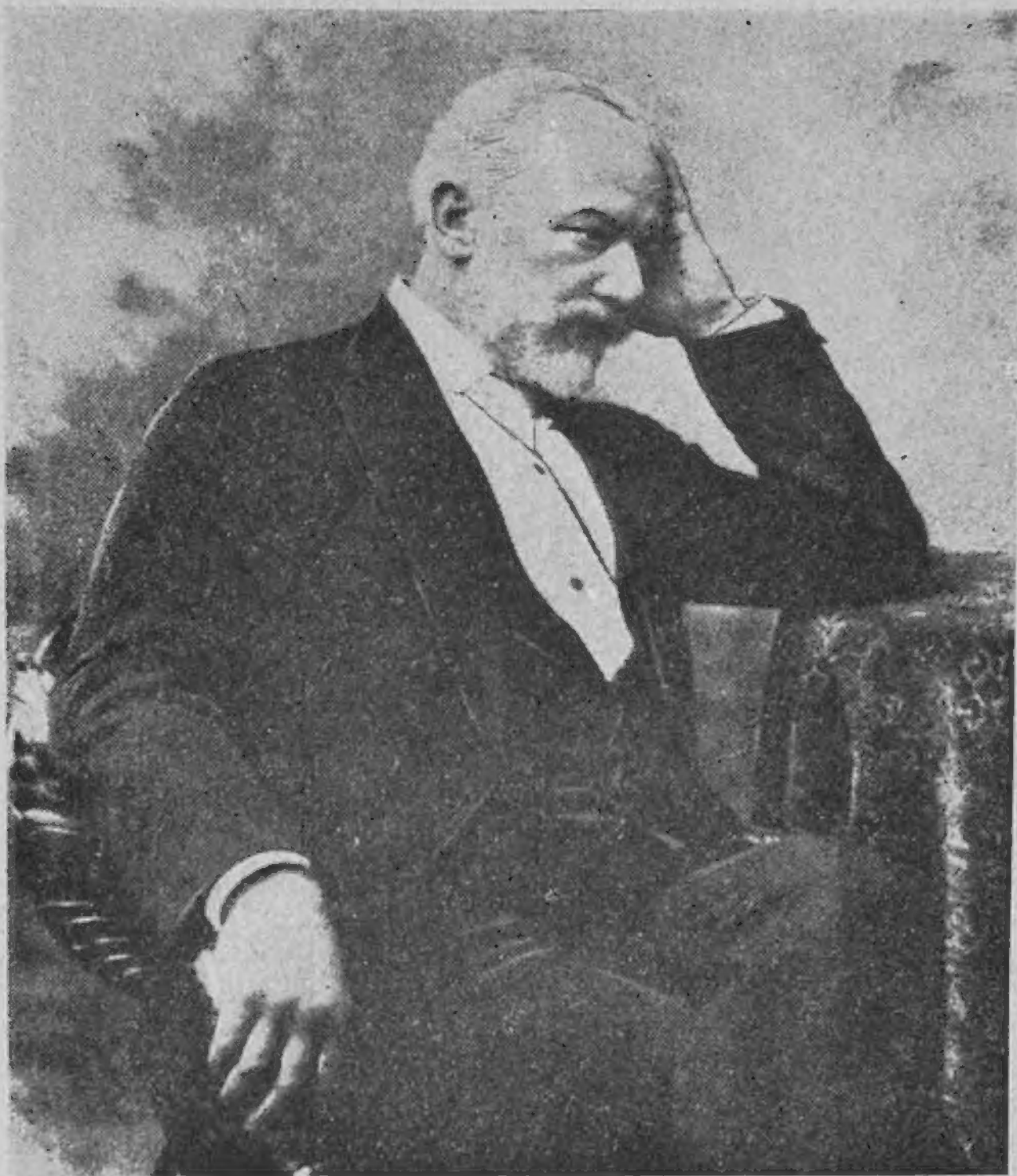
8

H. La Vigne

В. Д. КОРГАНОВ

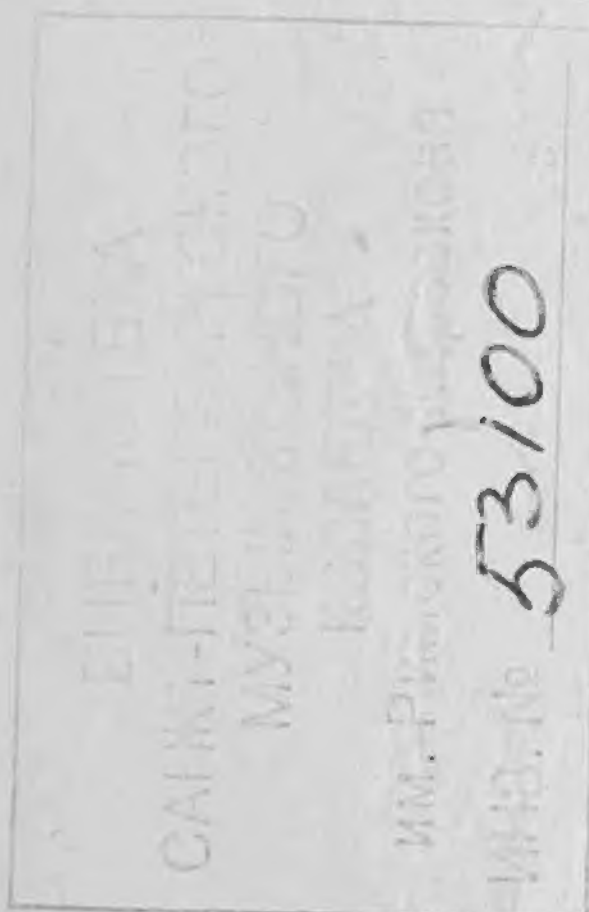
ЧАЙКОВСКИЙ НА КАВКАЗЕ

*По дневникам и письмам его, по сведениям тифлиских
газет и по личным воспоминаниям*

Подготовлена к печати Государственной Публичной библиотекой
Арм. ССР им. Мясникяна

Редакция текста
А. С. Б а б а я н а

Общая редакция и вступительная статья
проф. **К. С. САРАДЖЕВА**

Аригиз

1940

Ереван

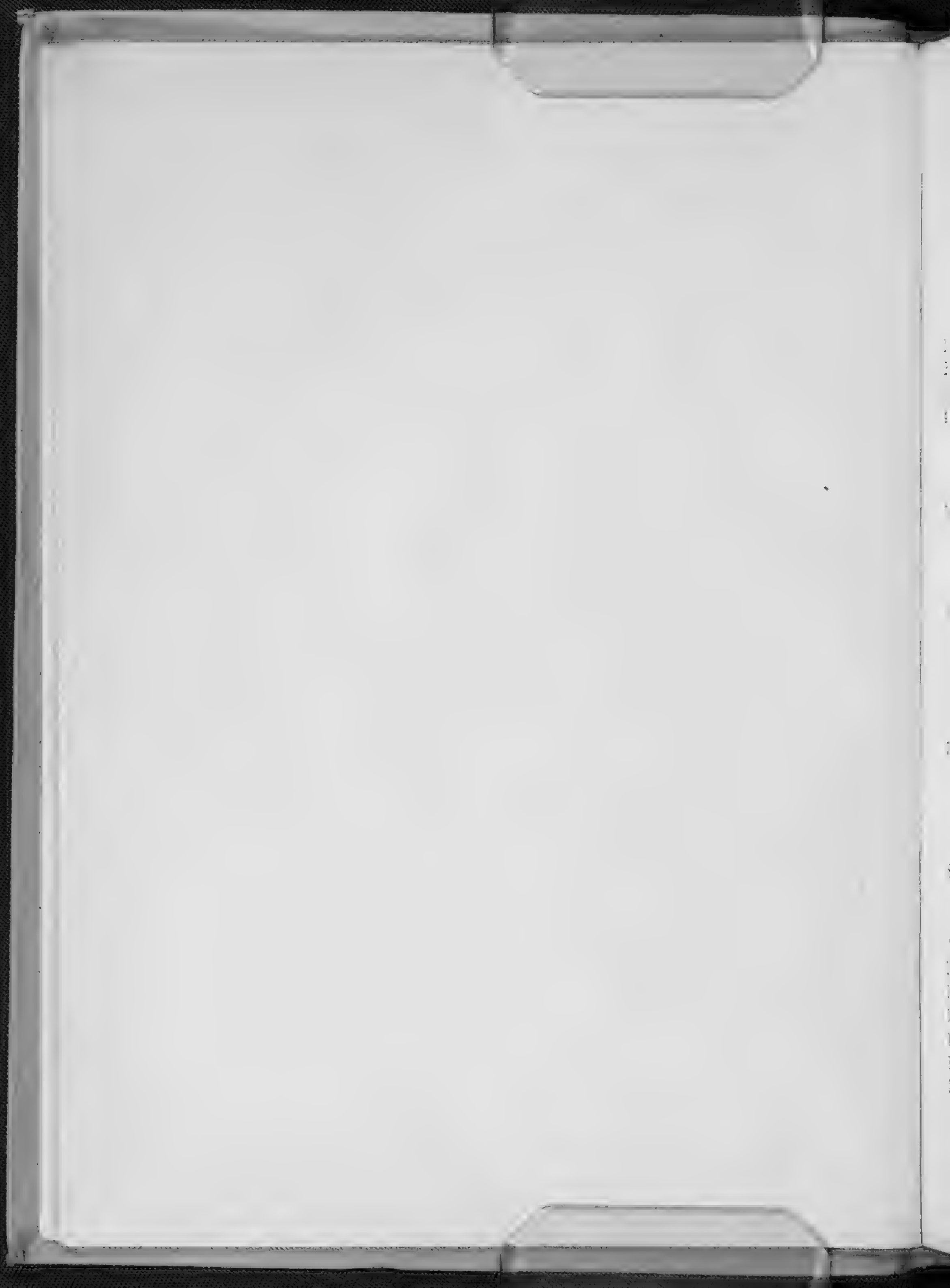
Վ. Դ. ԿՈՐԳՅԱՆՈՎ
ԶՍՅԿՈՎՍԿԻՆ ԿՈՎԿԱՍՈՒՄ

Հայտնատրատ, Յերեվան 1940

*К столетию со дня рождения великого
русского композитора*

П. И. ЧАЙКОВСКОГО

1840—1940

СОДЕРЖАНИЕ

1. К. Сараджев. Вместо предисловия	VII
2. От редактора текста	XI
3. От автора	XV
4. 1886 год	3
Из дневника № 4	3
Письма	15
Газеты	24
5. 1887 год	25
Из дневника № 6	26
Письма	34
Газеты	36
6. 1888 год	38
Письма	38
Газеты	39
Первая встреча	39
Прогулки с П. И. Чайковским	45
Письмо к М. Ипполитову—Иванову	53
7. 1889 год	55
Из дневника № 9	55
Письмо к Н. Ф. фон-Мекк	60
Газеты	61
Последняя встреча	62
8. 1890 год	70
Письма	70
Газеты	73
9. 1891—1892 г. г.	78
10. Из воспоминаний последующих годов	82
11. „Евгений Онегин“ в Гамбурге (1892 г.)	89
12. „Чайковский“ Баскина	93
13. Примечания	95
14. Приложения	103
15. Перечень иллюстраций	119

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует
7	11 сверху	Руфь Ивановна	Р у ф ь Иванова
12	3 снизу	Посты	Тосты
24	2 сверху	сотался	остался
27	12 снизу	куда	туда

Вместо предисловия

Чайковский был мастером эпистолярного стиля и, вообще, человеком с несомненными литературными задатками. Его письма читались и читаются сейчас с глубоким интересом не только музыкантами, но и довольно широкими читательскими кругами и тогда, когда эти письма имеют своей темой будничные предметы повседневной профессиональной практики, как и в тех случаях, когда поблек уже внутренний смысл общения и остались лишь привычка и долг, как поздняя переписка с Н. Ф. фон-Мекк.

От Чайковского, естественно, было ждать мемуарного наследства с широким освещением своей творческой жизни, своих творческих идей, оценки музыкальных явлений и всего музыкального движения его эпохи.

Чайковский нередко возвращался к „Дневникам“, форма и стиль которых говорят об их подчиненности в отношении какого-то основного материала.

Но жизнь Чайковского прервалась внезапно и столь преждевременно, что о появлении чего-либо подобного „Летописи моей музыкальной жизни“ Римского-Корсакова, нельзя было и думать. Не до конца высказался композитор, даже на родном языке музыки.

Тем более настоятельным является собирание и опубликование материалов, освещающих жизнь и деятельность великого композитора. Настоятельность этого дела становится тем более очевидной, чем реже становится круг людей, знавших лично Чайковского.

Правда, русская музыкально-исследовательская литература накопила уже большой и многообразный материал для биографии П. И. Чайковского, но этой биографии еще нет, как потому что разработка и синтезирование материала все еще представляет известные трудности, так и потому, что в самом собранном материале есть еще ряд пробелов.

Юбилейная комиссия, получив подготовленный материал настоящей книги от Государственной Публичной библиотеки Армянской ССР им. Мясникяна и публикуя ее, была побуждена к этому стремлением внести свою лепту в общесоюзное дело собирания материалов для биографии П. И. Чайковского.

Эта книга составляет одну из глав мемуаров покойного Василия Давидовича Корганова. Но последнего уже нет среди нас, и к нему нельзя обратиться за помощью и советом по некоторым вопросам, которые невольно возникают в связи с материалами, рисующими жизнь П. И. Чайковского на Кавказе.

Знал ли Чайковский народную музыку закавказских национальностей? Как он к ней относился? Какие ответы оставили они в его музыкальном творчестве?

Если недостаточно внимательно отнестись к публикуемым материалам, то получится впечатление, что Чайковский безразлично относился к туземной музыке, которая разве лишь досаждала ему громом зурны. Но, как ни редко обращался композитор в своих сочинениях к восточным мотивам, они у него все-таки имели место, но в резко отличном от того Востока, замечательное воплощение которого дали Балакирев, Бородин и Римский-Корсаков. Достаточно вспомнить „Кофе“ в „Щелкунчике“ или ариозо Эб-Хаккиа в „Иоланте“, чтобы не называть более раннюю „Канарейку“.

Нет ли здесь следов воздействия на композитора грузинского и армянского народного мелоса? Этот вопрос безусловно встанет перед исследователями творчества Чайковского.

Для меня лично этот вопрос встал несколько ранее по странному и случайному поводу. После одного исполнения Четвертой симфонии Чайковского, я сделался невольным свидетелем разговора двух армян о музыке этой симфонии. „Почему же“ — спросил один другого — „в этой симфонии первая мелодия звучит, как армянская пасхальная заутреня?“ Собеседник пожал плечами, а предо мною встал вопрос, который я изложил выше.

Было ли здесь случайное совпадение (речь идет о лейт-теме „Фатума“ в 4-ой симфонии), в пользу чего говорит анахронизм событий (симфония была написана задолго до первого пребывания Чайковского на Кавказе)? Было ли здесь воздействие церковной мелодии (армянской или ивой, в том и другом случае услышанной в Москве или Петербурге, где были и армянские церкви), сурово-мистический характер которой отвечал идее „Фатума?“ Мне трудно решить, потому что мои интересы никогда не лежали в плоскости культовой музыки ни армянской, ни русской. Но один мой приятель, знакомый с русской культовой музыкой и бывавший также в армянских и грузинских церквях, сказал мне, что как раз в пасхальной службе этот момент, заинтересовавший вышеупомянутых двух армян, почти тождествен и у армян, и у грузин, и у русских, и в основе своей восходит к знаменитой грегорианской мелодии IV века.

У Римского-Корсакова в увертюре „Светлый праздник“ тема эта воспроизводит русский вариант этого возглавления, а тема „Фатума“ — ближе к армянскому.

Быть может этим объясняется то, почему те два армянина пытались армянизировать тему „Фатума“. На этот вопрос ответил бы великий армянский композитор Комитас, которого уже нет среди нас.

Как бы то ни было, но в свои приезды в Тбилиси Чайковский неоднократно бывал в местных церквях, при чем в своих „Дневниках“ он дважды упоминает о посещении армянских церквей.

Другое место в предлагаемых материалах, невольно фиксирующее на себе внимание читателя, это — вопрос об эстетических воззрениях П. И. Чайковского.

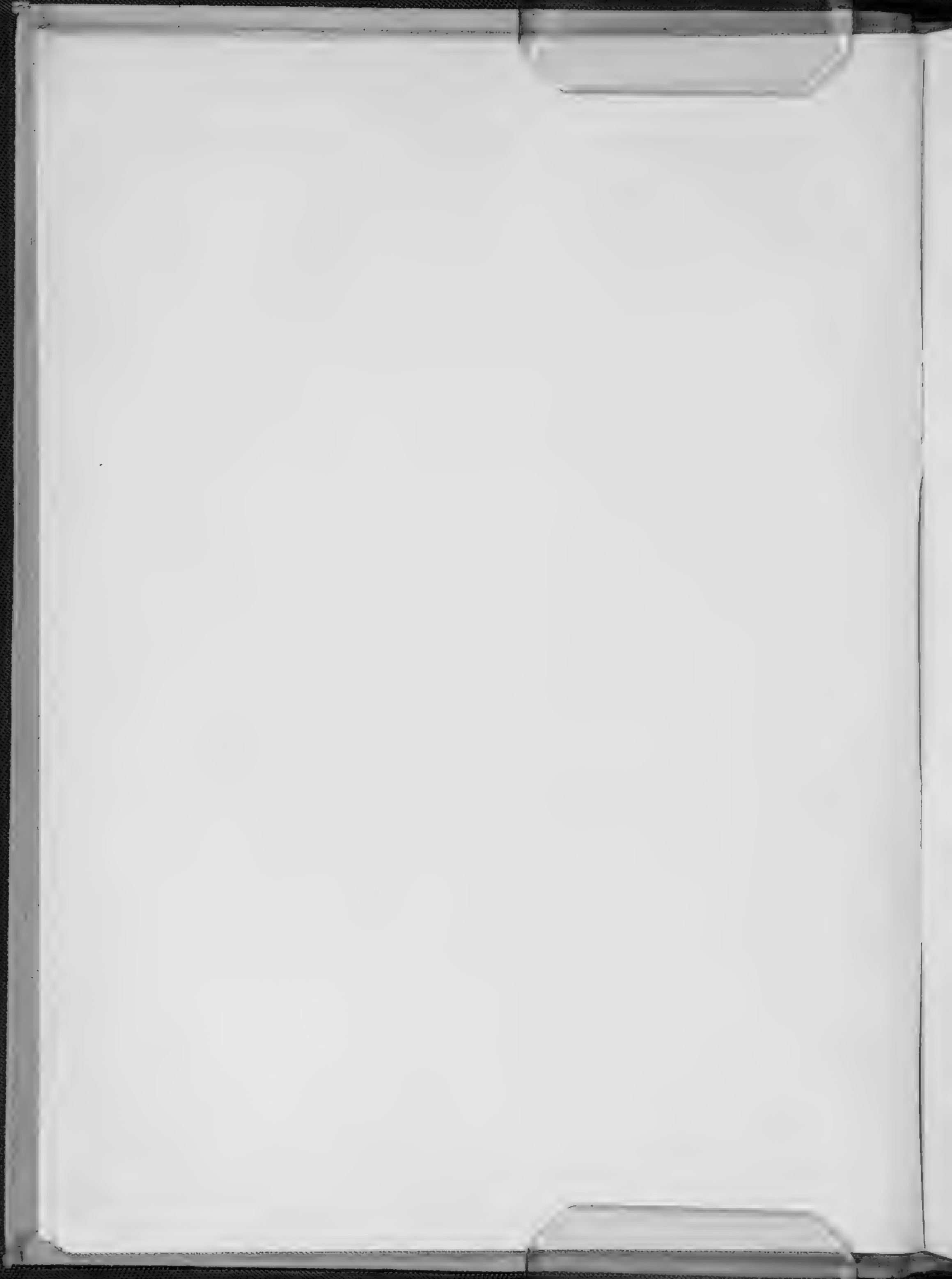
Конечно, как в статьях, так и в многочисленных письмах великого композитора есть не мало высказываний об этом, но они никогда не выливались в систему или хотя бы в отдельные тезисы, как, скажем, у Мусоргского.

На этот счет В. Д. Коргановым был поставлен вопрос Чайковскому в упор. Но ответа не последовало, потому что Корганов отталкивался в сторону „проклятых вопросов“ с позиций Ханслика, которого Чайковский не выносил, как злобного ненавистника своей музыки, да, вероятно, и вообще всей русской новой музыки.

Впрочем, идеалистические и формалистические концепции Ханслика и не могли встретить сочувствия в таком живом и передовом музыканте, каким был П. И. Чайковский.

В своем вступлении к предлагаемым материалам я сознательно подошел к книге, как читатель. И я думаю, что перед любым читателем, эта книга встанет, как стимул к размышлениям о ряде моментов в жизни и творчестве незабвенного П. И. Чайковского. А тем самым оправдается ее появление к юбилею, хотя-бы и до напечатания воспоминаний В. Д. Корганова, часть которых она составляет.

К. САРАДЖЕВ

От редактора текста

Настоящий труд, подготовленный к печати Государственной Публичной библиотекой Арм. ССР им. Мясникяна к столетию со дня рождения величайшего русского композитора П. И. Чайковского, является одним из разделов мемуаров известного музыковеда В. Д. Корганова (Корганяна).

Богатая и ценная библиотека В. Д. Корганова еще с 1921 г. и не менее ценный личный архив его, после смерти (1934 г.), хранятся в Публичной библиотеке им. Мясникяна. В архиве В. Д. Корганова одним из значительных материалов являются его мемуары из шести глав, вторая глава которых посвящена теме: „Чайковский на Кавказе“.

В. Д. Корганов принадлежал к кругу тех людей, которые с любовью окружали великого композитора во время его пребывания на Кавказе. С этой точки зрения воспоминания автора мемуаров, как современника Чайковского, имеют большой интерес.

Кроме своих личных воспоминаний, В. Д. Корганов поместил в своем труде соответствующие отрывки из дневников и писем самого Чайковского, а также газетные статьи и заметки о пребывании последнего на Кавказе. Все это делает труд Корганова еще более интересным.

Исходя из того, что настоящая глава мемуаров издается отдельной книгой, редакция сочла целесообразным несколько изменить порядок материалов текста.

Используя соответствующие отрывки из дневников и писем Чайковского, автор мемуаров снабдил их комментариями, причем последние поместил перед текстами дневников и писем; эти комментарии нами перенесены в конец текста в „Примечания“.

Кроме того перенесены в конец книги, помещенные среди текста две статьи („Евгений Онегин“ в Гамбурге и „Чайковский“ Баскина), которые не относятся к основной теме книги.

Редакцией произведены некоторые сокращения текста, не представляющие интереса для массового читателя. В остальном текст дается по рукописи автора.

Как известно, переписка Чайковского с Н. Ф. фон-Мекк впервые

полностью была опубликована после смерти В. Д. Корганова; в этой переписке много писем композитора, относящихся к его пребываниям на Кавказе. Редакция не сомневается в том, что будь эти письма под рукою автора мемуаров, он поместил бы их в своих мемуарах; по этой причине редакция нашла необходимым включить соответствующие отрывки из этих писем Чайковского *) в настоящее издание как приложения к мемуарам Корганова.

Все слова и фразы, включенные в прямые скобки, принадлежат редакции, а в ломаные скобки—В. Д. Корганову.

Исключая приложения, в основном сохранены правописание и пунктуация автора мемуаров.

Факсимиле письма Чайковского И. Б. Халатову и часть помещенных иллюстраций, принадлежат профессору К. С. Сараджеву.

А. Б.

*) Чайковский П. И.—Переписка с Н. Ф. фон-Мекк. [Том] III. „Academia“, 1936 г., письма: 321, 322, 323, 324, 332, 343, 384, 386, 389, 390, 393, 417, 421, 422, 424, 429, 430 и 432.

[От автора]

Чайковский бывал на Кавказе пять раз: в 1886 г. он провел здесь весь апрель месяц; в 1887 г. он оставался в Тифлисе с 1 по 10 июня и потом 25 дней прожил на даче в Боржоме; в 1888 г.— с 25 марта до 20 апреля; в 1889 г.— с 12 апреля до 1 мая; в 1890 г.— с 10 сентября до 22 октября. Приезды эти, надо полагать, связаны с тем обстоятельством, что в этот период в Тифлисе служил брат его, Анатолий, у которого останавливался композитор и который занимал небольшую квартиру на Консульской ул., в доме № 16 М. М. Тебенькова.

Как видно из десятков его писем к разным лицам, композитора притягивала сюда не только чудная природа, но и та часть местного общества, в которой он вращался. Брат его, Анатолий Ильич, также правовед, как и Петр Ильич, был в Тифлисе прокурором Окружного Суда с 1886 до 1888 года, а потом три года был здесь же вице-губернатором, после чего был переведен на ту же должность в Ревель. Женитьба на богатой москвичке, Прасковье Владимировне Коншиной, дала возможность Анатолию Ильичу прилично обставить квартиру, где собирались некоторые высшие чины судебного ведомства и из местной администрации со своими женами.

С Анатолием Ильичем Чайковским я встречался у кн. И. З. Андроникова, где собирался струнный квартет и где Ан. Ил. играл партию второй скрипки. Один из этих сеан-

сов 1887 года, где слушателями были я и Соф. Мих. Лазарева (сестра жены Андроникова, жена ад'ютанта Главноначальствующего, Ал. Ив. Лазарева), изображен на сохранившемся у меня снимке фотографа-любителя.

Приводимые ниже сведения заимствованы мною из дневников Чайковского, подготовленных к печати братом его, Ипполитом, и опубликованных в 1929 г.; из биографии его, составленной другим братом его, Модестом, и изданной в 1902 г.; из газетных статей, и дополнены личными воспоминаниями.

«Дневники П. И. Чайковского. 1873—1891 г.г.» В этих 11 дневниках, относящихся к различным периодам жизни автора, встречаются сведения только о трех поездках его в Тифлис: нет дневников за 1888 и 1890 годы, относящихся ко времени пребывания композитора на Кавказе.

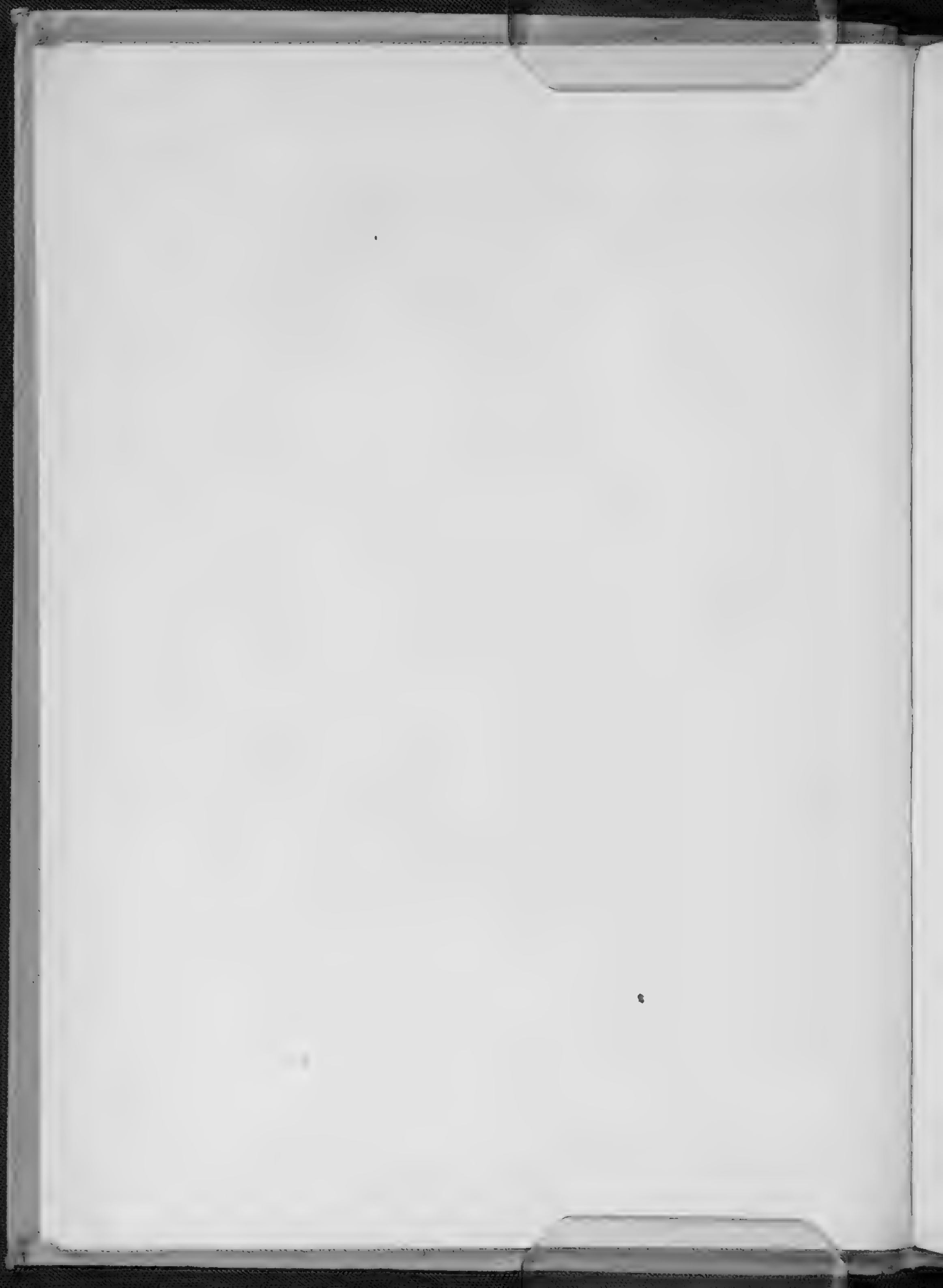
«Жизнь П. И. Чайковского» в трех томах. Из этого источника (состоящего преимущественно из писем композитора), как и из вышеупомянутого, я заимствовал только те страницы, которые имеют отношение к Кавказу, сохраняя всюду орфографию Чайковского, не всегда правильную в начертании имен и названий.

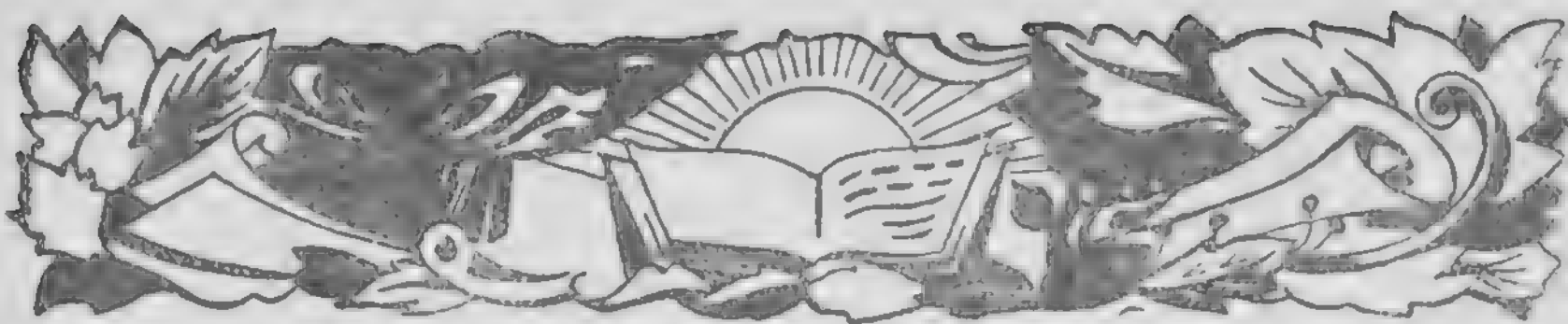
Комментарии к дневникам и письмам, составленные редакторами сборников, мною дополнены и местами исправлены.

Тифлиссские русские периодические издания уделяли мало места жизни знаменитого гостя-композитора. Грузинскими и армянскими газетами я не пользовался.

Личные воспоминания мои относятся только к весне 1888 г.; в 1886 г. я еще учился в Петербурге, в 1887 г. я служил в провинции, а в последние два приезда Чайковского встречался с ним только два раза по причинам, приведенным мною в этом очерке.

[illegible]

1886 г.

В дневнике за 1886 г. (числящемся, видимо, по оп. музея Чайковского в Клину; за № 4) имеются довольно подробные записи о первом приезде композитора на Кавказ. Всем ниже изложенным сведениям об этом приезде считаю уместным предпослать следующие комментарии¹⁾ (некоторые примечания помещены мною среди текста в ломаных скобках).

ИЗ ДНЕВНИКА № 4.

28 Марта. Владикавказ. Ст. Минеральные воды. Перешел было в вагон прямого сообщения, но оказалось, что нужно сесть на прежнее место. Татарка. Несимпатичный даровой пассажир. Поляк. Неудобно и жарко. Горы. Тащились до бесконечности. Типичные фигуры татар и вообще туземцев. Дивная погода. Эльбрус. Небесное явление в вагоне 3-го класса, в бурке. Владикавказ. Плохая гостиница. Поезда.

1) См. „Примечания“. Р е д.

армянина-комиссионера на почту. Пошел обедать. Комиссионер пришел об'явить, что коляска будет лишь в воскресенье. Огорчение. Генерал-балагур. Жандарм и девица. [...]. Прогулка с Алешей по бульвару. Один. Дома. Раздражаюсь. Чай. А все таки одиночество лучше [...].

29 Марта. Погода великолепная. Горы видно ясно. После чая и устройства дела с коляской на завтра, я пошел гулять в самом лучшем настроении. Попал в церковь к обедне с причастниками. Дебют диакона. Он конфузился, терялся, решительно не знал, что ему делать. Было жаль и странно, но и смешно. Старик батюшка с носовым звуком. Причетник-армянин. Вообще, вынес сильное впечатление от новизны обстановки в этой литургии. Дома писал письма. Завтракали с Алешей в гостиной (!!!) Ходил один по шоссе по направлению к горам. Русские дети. На возвратном пути сцена несчастной, избиваемой лошади. Встретился на бульваре с Алешей, который забыл передать мне ключ и, вернувшись в гостиницу, я не мог попасть в свой номер. Пришлось идти из дому. Нанял фаэтон и поехал по шоссе к малюткиному укреплению у впадения реки (не помню название) в Терек. Дробигой симпатичный извозчик саратовец рассказывал мне много интересных вещей относительно здешней этнографии, или, как он выражался «про разных религиев». Эта двухчасовая прогулка была очень приятна. Дома застал Алексея в особенно веселом настроении духа. С ним обедал. Его веселость скоро сделалась несносной, ибо он или глупо спорил или глупо хохотал неизвестно чему. Расстроил меня совершенно. Походили по бульвару и посидели. Еще хуже. Отправил его. А когда возвратился, он уже лежал [...]

30 Марта. Млеты. Последняя ночь в гостинице Франция была ужасна. Постель невозможная, блохи кусали немилосердно, тоска и отвращение душили меня. В 6 час. встали. В 7 явился симпатичный кондуктор. Сборы. На чай. Выехали в

8-м часу. Первая ст. Болта <Балта>, — переезд 12 верст. Кондуктор оказывается невероятно молчалив, именно такой, какого мне нужно. Ямщик едва отвечал на мои 2 вопроса. Далее было все то же самое, т.-е., как кондуктор, так и ямщик казались немыми. Вот что я люблю в путешествии. [...]. Погода была чудная. Чем дальше, тем становилось красивее, интереснее и холоднее. После Ларса (2-ая станция) началось знаменитое Дарьяльское ущелье, с замком Тамары, бешено мятущимся Тереком и т. д. На Казбеке легко пообедал. Тут пришлось надеть шубы, ибо мы очутились в области снега. Вообще вся эта дорога напоминает мне дорогу в Давос¹⁾. После Коби мы поднялись невероятно высоко, благополучно переехали место, где недавно завал был и где работали какие-то восточные индигены с очками или черными тряпками на лице, и после Годоура <Гудаура> стремительно спустились в Млеты. Дорога дивная. Здесь нам дали 2 царских комнаты, на вид необычайно симпатичные и чистые, и я, после владикавказской мерзости, почувствовал себя очень приятно. Заказал обед. В ожидании его ходил по балкону (веревки). (Видел, как попутчики наши: офицер, жена его в офицер. пальто, и баба кухарка продолжали героически путь на перекладной). Подали мне обед, очень простой и вкусный. Пили с Алексеем чай. Балагур слуга иммеретин <иммеретин> с характерным восточным выговором. Англичанин. Дама. Лег спать в 9.

31 Марта. Спал хорошо. Встал в 6; уехали в 7¹/₂. Всю дорогу я глубоко наслаждался. Пассанаур (внизу; церковь; могила Коли Тихменева). Спуск к Душету изумительный. Погода, езда, все было хорошо. Только еда в Душете плохая. В Мцхет приехали в 11¹/₂. По уговору я должен был

1) Курорт в Швейцарии. Ред.

ждать Паню и Толю, но очень испугался бесконечного ожидания и решил ехать на лошадях. Приехавши в Тифлис, узнал, что они поехали! Одежда. Чай. Разговоры с няней. Танюся очень понравилась. Съездил погулять в город. Вскоре после моего возвращения они приехали. Беседа. Ужин. Пьянство слуг. В общем Тифлис мне очень нравится, и видеть своих было в высшей степени приятно.

1 Апреля. Погода с утра славная, потом немного испортилась. Пил чай с Толей. С ним же вышел и частью пешком, частью конкой добрались кругом к Окружному Суду. Оттуда я пошел от дворца вверх и долго бродил по различным улочкам и переулочкам. И в М а й д а н е (народно-туземном квартале) был. Завтракал с Паней и Танюшей. Разговор с Паней о ее отношениях к Толе. Прогулка в саду. Иванов и Карганов. Письма. Коля Переслени. Перед обедом, в ожидании Толи, сидели на балконе и смотрели на проезжих. Обед. Посещение бани Мирзоева. Оригинальное предлице л о м а н ь я. Серная вода. Мне было как-то странно и скорее неприятно. Чай дома.

2 Апреля. День серый, дождливый. После чая читал статью Sarssey о Толстом и едва сдерживал рыдания... от радости, что наш Толстой так хорошо понят французом. Ходил по городу. Возвратился с шампиньонами к завтраку. Переоделся и пошел к Иванову. Его жена и другие, певицы и артисты. Горский. У агента франц. пароходства. Дома. Обед с Гаккелем. Симфонический концерт. Симфония (3) Бетховена. Моя серенада. Смирнова. В Средней Азии Бородин. Меня вызывали,—не вышел. Дома чай с Колей и Каргановым. Разговоры о музыке и музыкантах.

3 Апреля. Чудная погода, но на улице грязно. После чая и чтения газет пошел в город и вернулся к завтраку, на котором Толя присутствовал. Писал письма и много их написал. Читал историю Кавказа. Пошел погулять по Муштанду [...]. Между тем, принесли ко мне нанятое утром п ь я н и н о.

Вскоре Коля Переслени появился. Ждали долго Толю. Обед. После обеда поехали в цирк (г. Гертнер, Гаврюша Полтавцев, Маргарита Братц и т. д.). В антракте история, за коей мы с Колей следили. После цирка чай дома. Все сонные.

4 Апр. После чая (во время коего Татуся со мной болтала и играла) гулял в Муштанде. Занимался. Завтракал. Разговоры с Паней о ее манни всем внушать страсть. Был у Иванова; застал его жену и много гостей. Сделал визит Карганову, насилу нашел, но не застал и не дозволился. Дома. Занимался. Чтение. Руфь Ивановна. Коля Переслени, получивший только-что жалованье. Обед. Шампанское по случаю дня свадьбы. Концерт Карганова и Бичуриной 2-й. Кружок. Знакомства. Чай втроем дома.

5 Апреля. С утра погода была дивная. Я ходил в монастырь св. Давида. Это одна из тех прогулок, которые не забываются никогда. Завтрака настоящего не было по случаю предстоявшего кутежа. Возвратившись домой, занимался чтением и работой. Кутеж в Вазе (Паня, Коля Пер., Толя, Карганов и Гаккель). Отвратительная грузинская кухня,—но было очень весело, благодаря близости реки и чудесной игре красок при заходе солнца. Однакож, потом дождь пошел. Дома играли в винт (Орловский) и ужинали.

6 Апреля. Воскр. Дождь. Пошел в город. Попал сначала в армянскую церковь, потом в Сионский собор. В первой был поражен новостью зрелища [...]; во второй видел экзерка и слышал его проповедь. Дома завтракал с Вас. Вас. Гости. Ушел к себе. Коля Пер., Карнович. Визит целой компанией к Гончаровым. Возвратившись домой, ходил с Паней и Колею по галлерее. Свинкин. Читал. Обед. Карганов и офицер Веринский¹⁾. Винт [...].

1) (А теперь уже его более 2 месяцев и на свете нет!!! 19 июля 86).

7 Апреля. Вставши, напившись чаю и прочтя газету, отправился гулять. Был в Сионском соборе (часы: Пани и Акуля, конх я не сразу узнал). Пошел дальше по Майдану и перешедши реку, спустился в необыкновенно грязную, хотя и оживленную часть города. (Метехская тюрьма и т. д.). На возвратном пути снова заходил в армянскую церковь. Завтрак дома с Паней. (Постное! брр..!) Занимался. Гулял по Муштанду. Дома. Ожидание Пани, ездившей к экзарху. Пари. Визит Гончарова. Пани. Обед. Коля мрачен [...]. С Колей выехали. Вечер у Иванова. Его романсы. Пение его жены. Гости. Его симфонietta. Ужин. Они ровожали до́ дома. Отворял милый мой Степан. Окно.

8 Апр. 1886 г. Ночью спал тяжело, а утром проснулся с страшной головной болью и тошнотой... Пришлось раздеться и лечь. Я страдал невыразимо до 1-го часу. Потом заснул и около 3 встал все еще с тошнотой. Пошел болтать с Паней и тут мне вскоре стало лучше. Мало по малу совсем выздоровел. Коля появился в 5-м часу; он писал письма к Ал. Ив. Дав. и матери. Я сделал приписку. После обеда появился симпатичный Верниовский; играли в винт. Мне Андреева.

9 Апр. Волновался по поводу позирования. В 10¹/₂ приехал Иванов. Фотография. Как водится, голова дрожала. Завтрак в Лондоне. Прогулка по дороге в Коджоры. Дома. Пани причащалась сегодня, Алексей тоже. Писал трудное письмо Шпажинской. Суета с четкой комедии у Гончаровых. К обеду Гаккель, Тибеньков, Карнович. Позже Карганов. Винт. Макао. То не везло, то страшно выигрывал. Дурные вести о Быкове. Радость по поводу известия о *suffrage universel*.

10 Апр. Погода отличная, хотя серенькая. Сейчас после чая отправился в Сионский собор. Архиерейская служба, экзарх, омовение ног (очень устал, но цере-

мония эта понравилась мне). Завтрак в Лондоне отличный. Гулял по верхней дорожке, вдоль развалин крепости. Женщины в чадрах. Дома. Наши (Паня, Коля, Карнович, Веринковский) отправились на репетицию спектакля к Гончаровым. Я занимался. Обед у нас кроме своих Карнович. С Колей и Толей на 12 евангелий в экзаршескую церковь. Застали последние 4 евангелия. Дома. Паня ушла к Гончаровым. Мы с Колей пили чай вдвоем. Романы Карганова (очень слабые). Беседа с Колей.

11. Апр. Серо. Ходил к вокзалу и гулял в тех странах. Завтракал дома с Толей. Перед тем и после того занимался просмотром сочинений Карганова в ожидании его. Он сначала, а потом и Иванов пришли. [Карганов] (очень милый человек и хороший музыкант) очень огорчился моей критикой. Потом Иванов играл свои вещи:—много хорошего. Были Толя и Паня. По их уходе (погода испортилась) ходил гулять до моста. Обед. Паня в преувеличенно-оживленном настроении, что я не очень-то люблю. Орловский. Винт. Я был сонлив. Очень везло.

12 Апр. Страсти. суб. Вставши и напившись чаю, пошел в город. Яйцо для Тани. Завтрак в Лондоне. Обед у экзарха. Так долго читали пророчества, что решился идти к Смиттенам. Назад шел вёрхом. Опять в церкви. Синенькие девочки. Пели тут порядочно. Толя. Домой. Занимался. Volaryk. Спал. Обед. Коля подлизывался. Субсидия. После обеда лежал у себя и читал Истор. Вести. Туалет. Заутреня в Снонском соборе. Скоро. Назад с Колей, раздавили или повалили кого-то. Страх, ужас, отвратительное чувство. Посылали отсюда. Благополучно. Слава богу! Разговенье. Пьянство.

Пасха. 13 Апр. Ужасная погода, дождь бесконечный, обративший Михайловскую улицу в реку. Встал в 11 часов. Один чай пил и завтракал. Пошел походить. Дождь. Барашек или собака на обрыве под мостом. Сидел в café Ев-

ропа. Под ливнем домой возвращался. Дома. У себя занимался и читал. Обед. Карнович, Иванов, Зарудная, Геничка, Коля, Веринковский и т. д. Винт. Репетиция. Зарудная пела. Ужинали с грехом пополам.

14 Апр. Погода отличная. Встал поздно. После чая занимался. После завтрака (старик Соколов, Гаккель, доктор с шишкой) отправился пешком с визитами. У Смиттенов. Их дочери пианистки. Слушал и высказал мнение. У Алиханова и т. д. Встретил Корганова, сидел у него; беседовали о музыке. Пешком домой. Коля Переслени рассказывал про свою ссору с Свинкиным. Обед. Опять преувеличенные манифестации любви со стороны И. Сидели в кабинете; я читал *La mort*, Feullet. Толя. Истор. Вестник. Коля спал на тахте. Они ушли на репетицию с Андреевыми и Девдорнани. Я остался читать и пил чай с Толей. Он, поспавши, тоже пошел к Гончаровым. Я играл немного. Сажу в своей комнате и слышу звуки зурны и барабанов из соседних садов. Противно.

15 Апр. Ушел утром. Был не в духе с самого пробуждения. Завтрак дома без Пани, которая поехала визиты делать. Вас. Васильевич. Занимался. Дремал. Чай у себя в комнате. Пошел гулять с Колей Переслени в Муштаид, на луг по направлению немецкой колонии. Веселье народа. Обед. Веринковский, приглашенный мною для винта, и капризы Пани. Винт. Доктор. Макао. После чая и ухода доктора возобновление винта. Зурна и шарманка. Симпатичность Веринковского.

16 Апр. Позанился и в 11 ч. отправился на rendez-vous с Вериновским. Азнатский ресторан. Коля Пересл. Отличный завтрак. Гулял по Головинскому до спуска на мост на шоссе. По дороге заходил на русские качели и изволил забавляться качаньем, имея седую голову и 46 лет на плечах. Встретил на возвратном пути Толю, ехавшего с командой на охоту. Сидел у Ивановых-Зарудной. За-

стал их за обедом с гостями. Домой. Обед с Гаккелем, Фишером, Карновичем. Концерт Чези и Барби. Имел от него ложу. Со мною Коля Пер., Верин., Свинкин. Бал в кружке. Паня хозяйка. Скучно. Винт с Карновичем, Орловским и милым грузином?? Ужин. Пьянство с Свинкиным и Колей. Паня в котильоне с Верин. Лезгинка. Вернулись в 6-м часу.

17 Апр. Встал с головною болью и немножко тошнило. Немножко в Муштанде погулял. Письма. Завтрак. С Паней в Муштанде. Дома ждал официального визита Иванова и Алиханова. Приглашение на торжество. Вериновский. Пошел с визитом к Чези. Застал их за обедом. На возвратном пути заходил в зверинец. Обед. У нас Коля Переслени (встреченный мной на прогулке в коляске) и Вериновский. Коля рассказывал про встречу с грозным прокурором. После обеда в винт играли. Все были сонные.

18 Апр. Занимался. Несмотря на то, что спал от 12 до 9, чувствовал себя усталым. После завтрака с Паней сначала шли, потом ехали до Дворцовой. Визиты к Кинне (антипатичен чрезвычайно) и к Орловскому. Восхождение к Давиду и выше. Домой усталый. С Колей и Паней на балконе. Письма. Обед. Лишнее выпил. С Паней в концерт: отказан по причине болезни Барби. Домой. Андреевы. Ушли на репетицию. Я читал орнитологию. Очень устал.

19 Апр. Вставши, немножко занялся, но вскоре пошел согласно уговору к Свинкину, у коего кроме Коли позднее был Вериновский. Завтракал с ним в Лондоне. Приятно кутили. Великан. Цирк и конюшни. Качели. У Пани. Ее безобразничанье по поводу Вериновского. Театр. Ложа. Овации. Очень тронут. Ужин в Лондоне. Официальные тосты. Пьян, как.... Тысяча нежностей со всеми. Не мог дойти до дому. Пьян.

20 Апр. Противно ожиданиям встал бодро и голова не болела. Погулял. После завтрака поехал на публичный эк-

замен старика Эпштейна. Гулял по невыносимой жаре. Дома. У Пани посетители. Ждал Иванова с портретом. Напись. Обед у Чирли-Пучурли. Так себе. Джиконда. (Супруги Редновы, Зарудная и т. д.).

21 Апр. Занимался крайне неудачно до завтрака. Свинкин приходил прощаться и завтракал. Он уезжает на 2 месяца. Известие о картежной ночи и проигрыше Вериновского. Визиты к Питоеву (не застал), к Андроникову (тоже), к Рогге. Жена водила к нему в канцелярию. Домой. Чай. Занимался. Лучше шло. Обед втроем. Толя у Дундукова. Концерт Чези и Барби. Чай дома. Разговор о завтраке, который я даю 25 апреля.

22 Апр. 1886 г. Вставши, напившись чаю, пошел к Саванелли. Он служит в Госуд. Банке. И он, и жена его милы и симпатичны. Дома. Завтракал с Паней и Татой. Паня, заговорив о моем отъезде, заплакала. Не помню, чтоб в жизни я когда-нибудь был так тронут. Пошел с ней в Муштаид и долго беседовал о Тане (???). Чай дома. Занимался. Коля Переслени. Обед на балконе. Вериновский. Одевали его в мое платье. Репетиция у Гончаровых. Беседа с М-ме Андреевой. Ужин. Тоска.

23 Апр. Занимался,—не без труда. После завтрака пошел с визитом к Иванову (застал и сидел) и к Тибенькову. Чувствовал весь день необычайную слабость и склонность ко сну и бездействию. Ходил по Майдану, тщетно ища агента Messageries. Дома. Обед. Вериновский. Переодевание. Репетиция. После нашей пьесы поехал в театр. «Жизнь за царя», 4-е действие. В ложе у В. П. Рогге. В режиссерской. Питоев. Ужин у Эпштейна. М-ме Ферзик. Форшмак. Ужин. Рядом Зарудная. Консул Герм. Империи, по выговору напоминающий не то Бюлова, не то Клиндворта. Посты до бесконечности. Меня провожали Иванов, Крганов и милейшая В. М. Зарудная. Больная Паня. У них в спальне. У себя еще пьянствовали.

24 Апр. Безобразно болен был. Проснулся в ужасном состоянии. Муштант... Дома. Сон. Лучшее. Опять спал. Проснулся в 3 часа почти здоровый. Чай у Пани (ночью за доктором Толя ездил). Выздоровливаю. У Гаккеля с Колей (кого я встретил). Сад при дворце. Удивительная красота. У агента Raquet. Почти решаюсь. Пешком. Обед с больной Паней. Сонливость. Валялся. Одевание. Спектакль у Гончаровых. Я аккомпанировал Толе. Боялся за больную Паню. Уборная. В гостиной знакомства. Любезность кн. Дондукова. Ужин. Ушли на последний стол. Гончаров вытребовав меня на главный. Княгиня Меликова. Княжна Маня. Я совершенно влюблен в нее. Бесконечный котильон. Пьянство с немецким консулом, Тебеньковым и Гаккелем. Болтовня милостивого консула. Турецкий консул указал мне настоящий путь. Еду с пароходом Raquet.

25 Апр. 46 лет стукнуло! Встаю без головной боли, но с пустотой в голове. Прошелся сигар купить. Встреча с агентом Raquet. Гости начали у нас собираться около 11/2. Рогге. Завтрак был весел, но не особенно удачен по еде. Тулумбашем был Гаккель. Кн. Андроников тоже речи говорил. Чай в саду. Винт, коему помешал старичек Соколов. Мазепа. Очень хорошее исполнение, особенно Лодий и Зарудная. (Рябинин—любитель—Мазепа). Много вызовов и оваций. Ужин в Лондоне. Усталость.

26 Апр. Трудно себе представить более очаровательной погоды. Чудесно спал. Встретил Рябинина, который не только пошел со мною, но и до парикмахера довел, и там сидел, и потом все шел. Впрочем, очень милый человек. Назад ехал и частью шел, восхищаясь изумительной красотой колоритом синим небом, горами, зеленью. Не хочется умирать в такие дни. За завтраком спор с Паней из-за Вериневского. Однако, поехала вместе к Быкову. Грустное впечатление. Быкова. Андреева, Гончарова. У Алиханова (не застал). У Геннихи. В саду Дондукова. Обед дома. Цирк. Дождь. Чай дома.

27 Апр. Воскр. Вставши, пошел в Сионский собор. Жарко. Конец простой обедни. У Зарудной. Рябинин, Краснова. На репетиции Русалки. Пошел к Андреевым. Встретил Вериневского. Вместе к Андреевым. Застали. Нет фазетон в. Дома. Удирал от визитов Алиханова и Андрониковых. Тибеньков. Обед в Сахаршвели. Веселье и бесконечное удовольствие, прерванное безобразной выходкой Прасковьи Владимировны. м-ме Карнович. С ней и Колей в Европу. Кутеж. Карты. Ужин. Бесконечно жаль Вериневского и злюсь на дрянь.

28 Апр. Понед. Встал с тяжелым воспоминанием о вчерашнем. Пошел к Иванову. Играли его песни и еще кое-что. Карточки, кофе, Пузанов, Рябинин. Снимание группы у фотографа. С Карновичем у его жены и у Бичуриной. Обед у Лодн. Излишки. Винт. Дома. Грустно. Тебеньков. Коля. В 10 часов ушел к себе письма писать.

29 Апр. Вторник. Выезд. Провожание. Огромное число провожающих. Необыкновенно нудно и тяжело. Как нарочно поезд опоздал. Наконец, уехали. Бросали цветы в вагон. Карнович с нами. Уговаривали остаться. Сурамский перевал. Необыкновенный аппетит Толи. Михайлово. Я спал после перевала. Читал чудесное, хотя в республиканском духе написанное, сочинение о Каролине, королеве Неаполитанской. По временам выходили и любовались чудными зрелищами. Наконец и Паня легла. Читал. Последняя станция Кобулет. Тут я с Колей увидели море и притом с дивным освещением. Разбудили. Приезд в Батум. Hôtel de France оказался занят весь. Hôtel Impérial тоже. Наконец, из милости пустили. Ужин. Мало по малу все устроилось отлично. Я спал с Колей в одной комнате. Алеша рядом. Начиная чувствовать жуткость разлуки. Особенно симпатичен оказался главный приказчик и девушки, судя по языку, поляки.

30 Апр. Батум. Встали и пили чай с Алешей и Колей.

Пошли к агенту Raquet. По слабости я взял билеты прямо до Марселя и потом очень мучился. Домой. Толя встал, Пани тоже. Пошли по улицам, потом в сад у моря, потом завтракать в Hôtel de France (по требованию Пани, ибо желал быть благодарным за принятие нас в Impéria), Кутеж. Домой. Магазины. Дивное местоположение. Чай дома. Толя (добрейший Толя!!!) делает безобразную сцену Алексею из-за чистого пустяка. По правде сказать, несмотря на всю неумелость Алеши относиться к людям Толя кругом виноват. Уехали. Замешательство. Наконец, на пароходе. Нагрузка. Опоздание и необычайное тяжелое чувство. Шампанское. Что за драгоценный человек. Коля Переслени!! Слезы Пани. Наконец, они уехали. Бинобль. Бесконечное маханье платком. Тяжелое чувство. Алеша. При объяснении слезы его. Невыразимо тяжелое чувство, соединенное со страхом моря, которое, впрочем, более покойно чем когда-либо!!! Ужин solo. Писание дневника. Турецкие женщины. Спать. Не знаю, зачем капитан ходит около.

1 Мая в море. Спал отлично. Вставши, вышел на палубу: мы подходили к Трапезунду...

П И С Ь М А

К М. Чайковскому.

1 апреля 1886 г.

Из Москвы я выехал 23 марта, прямо в Таганрог, к Ипполиту. Прогостил у него двое суток и 28-го был во Владикавказе.

В воскресенье утром, 30-го, мне подали коляску, запряженную в четыре лошади и, усевшись, мы поехали, имея при себе кондуктора, специальная обязанность которого забота о нуждах и удобствах путешественника. Всю предыдущую ночь я не спал от ужасной, невообразимой постели и от насекомых (я без тошноты не могу вспомнить лучшую владикавказскую гостиницу) и потому думал, что красоты

Военно-Грузинской дороги мало подействуют на человека, усталого и раздраженного бессонницей. Но дорога до того удивительно, величественно, поразительно красива, что с тех пор я даже весь день и не думал. Разнообразие впечатлений делает то, что интерес не прекращается ни на минуту. Сначала довольно долго приближаешься к горам, при чем кажется, что они перед носом, а между тем все едешь да едешь. Потом долина Терека делается все уже, потом в'езжаешь в Дарьяльское ущелье, страшное, мрачное, дикое. Потом мало по малу в'езжаешь в снежную область. Перед моим проездом как раз произошел громадный снежный обвал, который целые сотни каких-то мрачно выглядывающих туземцев только что успели расчистить и еще расчищали. Мы ехали, наконец, между двумя высокими снежными стенами все выше и выше. Пришлось надеть шубу. В 6 часов мы спустились в долину Арагвы и ночевали в Млетах. Мне отвели царские комнаты. После пакости владикавказской гостиницы удивительно приятно было очутиться в чудесных чистых комнатах с славными постелями, с чисто накрытым столом и т. д. Я пообедал, погулял по галлерее при лунном свете и в 9 часов лег спать. Рано утром мы выехали. Тут уже запахло югом. На склонах гор пахали землей; беспрестанно попадались живописные аулы и всякое другое жилье. Спуск делается с быстротою иногда даже страшной, особенно при поворотах. Незадолго до станции, Душет, вдруг открывается вид на даль, столь изумительно чудный, что хочется плакать от восторга. Чем дальше, тем больше дает себя чувствовать юг. Наконец, проехали Мцхет (где развалины дворца и знаменитый собор) и около 4 с половиною часов были уже в Тифлисе. Толи с Паней не было; они отправились встречать меня в Мцхет, ожидая, что я приеду позднее. Только в 8 часов они вернулись. Я пока успел уже переодеться и по городу походить. Город восхитительно живописен. Деревья еще не все зеленеют, но за то

все фруктовые деревья в цвету, в садах (где, как в Риме, имеются только вечнозеленые растения) красуются массы цветов, тепло как в июне и одним словом весна самая настоящая, совершенно вроде того, как было в Неаполе, когда 4 года тому назад мы из него выехали. Главные улицы очень оживлены, магазины роскошны и совсем Европой пахнут. За то, когда я зашел сегодня в туземный квартал (Майдан), то очутился в совершенно новой для меня обстановке. Улицы необыкновенно узенькие, как в Венеции; с обеих сторон внизу бесконечный ряд лавчонок и всяких ремесленных заведений, где, поджавши ноги, туземцы работают на виду у прохожих. Тут же и хлебопекарни, и какие то с'естные лавочки, в коих что-то пекут и жарят. Очень любопытно и оригинально.

К Н. Ф. фон Мекк.

Тифлис. 6 апреля 1886 года.

Теперь я уже хорошо ознакомился с Тифлисом и все наиболее замечательное видел. Был в здешних банях, устроенных на восточный лад, посетил наиболее замечательные церкви и, между прочим, армянскую, в которой меня очень заинтересовали и особенности богослужения вообще, и пения, в частности; был также в монастыре Давида на горе, где похоронен Грибоедов; провел один вечер в концерте Муз. Общ., в котором весьма плохой и жидкий оркестр исполнял симфонию № 3 Бетховена, «В Средней Азии» Бородина и мою струнную серенаду при полном почти отсутствии публики. В Тифлисе живет несколько хороших выдающихся музыкантов. Из них особенно выдаются Ипполитов—Иванов, талантливый композитор, и Евгений Карганов, армянин-пианист, бывший ученик Московской Консерватории. Они оказывают мне всякое внимание, и хотя я предпочел бы быть здесь инкогнито, но не могу не быть тронутым выражениями сочувствия и любви со стороны собратьев по ис-

кусству. Вообще, я не ожидал, что в Тифлисе мою музыку так хорошо знают. Оперы мои здесь играются больше, чем где-либо и особенно «Мазепа» имеет большой успех. Все это мне очень приятно и подкупает меня в пользу Тифлиса, который и без того мне очень нравится. Погода стоит все время теплая, но переменчивая; деревья покрываются зеленью, цветов множество повсюду. Весна в полном разгаре.

К М. Чайковскому.

Тифлис. 17 апреля 1886 года.

Ну, Модя милый, не знаю уж что писать тебе. Разнообразных впечатлений крайнее изобилие, все это хочется сообщить тебе и не находишь времени, да и умения писать нет. Последние дни страстной недели провел в посещении церквей: русской, армянской, грузинской. Очень симпатичен одесский экзарх Павел. Заутреню отстояли в Снопском соборе. Было очень торжественно, благолепно и вместе негесно. А за сим идет ряд бескончаемых кутежей как дома, так и в гостях. Идут репетиции спектакля, в коем играют Пани, и Толя, и даже я за сценой буду аккомпанировать Толе («Ночь в Сорренто»). Вчера был большой бал с благотворительной целью, на коем видел все тифлисское общество. Пани была хозяйкой и вместе царицей бала. Между прочим, танцевали лезгинку: очень красиво было смотреть. В субботу на этой неделе устраивается большое музыкальное торжество в мою честь в театре. Это очень не в моем вкусе, но отделаться оказалось невозможно. Гуляю я здесь очень много, и разнообразие прогулок большое. Изучил Тифлис гораздо лучше многих, постоянно живущих здесь. Из ближайшего антуража Толи мне очень симпатичны некто Свинкин (тов. прокурора, правовед) и офицер Вериневский. Из музыкального мира мне необыкновенно симпатична певица Зарудная. На днях услышу «Мазепу»; говорят, что она и Лодий удивительно хороши в этой опере.

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ.
(фотографии 1886 г.)

К М. Чайковскому.

Тифлис. 23 апреля 1886 г.

Модичка, доживаю последние дни в Тифлисе. Если бы не визиты и вообще не светская жизнь, то этот месяц был бы одним из счастливейших в моей жизни. Кажется, я еще не писал тебе про торжество, устроенное в мою честь 19-го числа. Это было очень торжественно. В 8 часов я с Паней вошел в убранную цветами и листьями директорскую ложу. Весь театр встал и после долгих рукоплесканий началось подношение серебряного венка и массы других, при чем говорила депутатом от Муз. Общ. речь. За сим начался концерт из моих сочинений. Вызовы были бесконечны и ничего подобного я еще в жизни своей не испытал. После концерта ужин по подписке с речами. Крайне утомительный вечер, но вспоминать о нем приятно.

Газета «Кавказ» (1886 г., № 104) так описывала этот вечер.

«В субботу, 19 апреля, в Тифлисском театре состоялся экстренный концерт Тифлисского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества, устроенный в честь дорогого тифлисского гостя, талантливейшего из современных русских композиторов, Петра Ильича Чайковского. На этом концерте, как было уже объявлено, исполнялись исключительно произведения виновника торжества. Так как начало концерта было объявлено в 8 часов вечера, то к этому времени театр уже наполнился, и всякий с нетерпением ждал увидеть автора любимейших в Тифлисе опер: «Евгения Онегина» и «Мазепу». Для Петра Ильича предназначена была директорская ложа, которая по этому случаю была убрана гирляндами из лавра и украшена лирой и вензелем дорогого гостя. Самый театр был совершенно полн и представлял особенно торжественный и элегантный вид. Вместе с поднятием театрального занавеса, появился в ложе Петр Ильич; появление его сопровождалось единодушными гром-

кими и долго не умолкавшими аплодисментами. Сцена театра, по поднятии занавеса, представляла красивую картину; она была переполнена представителями тифлисского артистического мира. Едва умолкли восторженные аплодисменты публики, которыми был встречен Петр Ильич, как к его ложе приблизились: дирекция Отделения Музыкального Общества и депутация от артистов, хора и оркестра Тифлисского театра. Один из директоров Музыкального Общества, К. М. Алиханов, подошел к Петру Ильичу и сказал следующее: «Глубокоуважаемый Петр Ильич, я очень счастлив, что на долю мою выпала честь приветствовать вас сегодня от имени дирекции Тифлисского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества и преподавателей Музыкального Училища. Наша небольшая музыкальная семья, как и вся музыкальная Россия, давно знакома с вашим славным именем и, по справедливости, считает вас творцом русской национальной симфонии. Но с того недавнего времени, как поставлены у нас ваши оперы: «Евгений Онегин» и «Мазепа», все тифлисское общество поддалось обаянию вашего могучего творческого таланта. Передавая вам, Петр Ильич, от имени нашей дирекции и преподавателей это скромное приношение в знак глубокого уважения и искренней симпатии, я не сомневаюсь, что все тифлисское интеллигентное общество питает к вам те же чувства, хорошо понимая высоко-художественное и воспитательное значение ваших чудных и чарующих творений».

Эта краткая, но прочувствованная речь, прослушанная присутствовавшими стоя, произвела на всех сильное впечатление и вызвала гром рукоплесканий. Одновременно с этим, директором Отделения Музыкального Общества М. М. Ипполитовым-Ивановым был поднесен Петру Ильичу его же, виновника торжества, портрет в серебряной оправе, изображающей лавровый венок, с надписями на оборотной стороне имен артистов, принимавших участие, как в торжест-

венной овации, так и в концерте, и программа самого концерта. Оркестр же и хор в это время исполнили здравицу из «Мазепы», с подходящей к данному случаю переделкой текста,—которая, по желанию публики, была повторена несколько раз.

Эта сердечная непритворная овация глубоко тронула Петра Ильича, и он с видимым чувством полного довольства и благодарности раскланивался из ложи и благодарил стоявших около него. Артистами ему было поднесено много лавровых венков, на лентах которых отпечатано от представителей какой именно отрасли музыкального искусства они поднесены. Затем начался концерт, в котором приняли участие: В. М. Зарудная, П. А. Лодий, Г. О. Корганов, К. К. Горский, оперный хор и оркестр под управлением М. М. Ипполитова-Иванова. Публика много раз вызывала исполнителей и автора.

Концерт окончился около полуночи, оставив в каждом из присутствовавших отрадное впечатление, произведенное художественной музыкой творца русской симфонии и оказанной ему сердечной овацией».

Овации повторились 24 апреля по случаю представления «Мазепы» в присутствии автора, о чем автор писал Э. К. Павловской:

«Между прочим, присутствовал я в Тифлисе при очень хорошем исполнении «Мазепы». Один Лодий чего стоит! Он в последнем акте положительно исторгает слезы. Имеете ли вы понятие о Зарудной? Очень симпатичная певица. Она в роли Марии мне очень понравилась. Средства ее не обширны; наружность и фигура мало сценичны, к игре таланту почти нет,—но в ее голосе, в выражении лица, во всей персоне ее какая-то неопределенная симпатичность, заставляющая прощать недостатки и внушающая всеобщее сочувствие. Очень музыкальна, добросовестна и страстно любит свое дело. Ах, как я желал бы, чтобы Лодий пел в «Чаро-

дейке»! Это единственный из наших теноров, который хоть сколько-нибудь подходит под требования Княжича».

О первом пребывании в Тифлисе имеются сведения еще в двух письмах к М. М. Ипполитову-Иванову.

7 июля 1886 г.

Месяц, проведенный мною в Тифлисе, принадлежит к самым радостно-светлым, проведенным мной в жизни. Так как-то благоприятно сложились обстоятельства, что ни единого облачка не было на моем небе за весь этот месяц. Весна, южная природа, горы, много милых и симпатичных людей, наслаждение «ничего неделания», которому я так безгранично предавался, одним словом, целый ряд причин и условий дружественно содействовали моему полнейшему благополучию. И, конечно, вы не примете за пустую фразу и банальный комплимент, если я скажу, что вы и симпатичнейшая Варвара Михайловна много содействовали тому, что я вспоминаю Тифлис с особенным удовольствием... Попаду ли в Тифлис осенью или зимою, пока еще ничего не знаю. Очень, очень бы хотелось, и надеюсь, что так оно и будет. Лишь бы только дожить, да здоровым быть, а то меня тянет в Тифлис сильно и что, так или иначе, я там буду—не подлежит сомнению.

23 июля 1886 г.

Дорогой друг М. М., от души благодарю вас за подробности о смерти Вериневского. Хотя в них нет ничего сколько-нибудь примиряющего с мыслью об исчезновении с лица земли молодого и симпатичного человека,—но все же я рад, что хоть какой-нибудь внешний повод к самоубийству был, т.-е., провал на экзамене. Иначе, просто невозможно было бы привыкнуть к грустному сознанию, что он погиб от недостатка сочувствия, в коем его мягкая и добрая душа нуждалась и которого не нашел там, где искал. Всякая смерть молодого и хорошего человека действует на меня

сильно: еще более, когда смерть самоубийство. Мне все кажется, что останься я еще неделю в Тифлисе,— он бы со-
тался жив. Я очень полюбил его, он это признавал и весьма
может статься, что мое участие и нравственная поддержка
удержали бы его от мысли посягнуть на свою жизнь. Ах,
боже мой, боже мой, как мне жаль его!..

Г А З Е Т Ы

«Кавказ». Краткие сообщения о том, что Чайковский
присутствовал на симф. концерте 2 апреля, что 29 апр. он
выехал из Тифлиса на Батум, и хвалебная рецензия (№ 104.
22 апр.) о концерте 19 апр.

«Новое Обозрение» поместило программу концерта
(19 апр.), из произведений Чайковского «в пользу недоста-
точных учеников Тифл. Музык. Училища».

Струнная серенада, opus 48

Письмо Татьяны.—В. М. Зарудная.

Sérénade mélancolique, opus 20.—К. К. Горский.

«Ни слова, о друг мой»

«Канарейка»

}—В. М. Зарудная

«Нету, нету тут мосточка», хор из оп. «Мазепа».

Ария Ленского.—П. А. Лодий.

Ноктюрн F-dur, Скерцо —h—mol. —Г. О. Корганов.

«Страшная минута»

«Отчего»

}—П. А. Лодий.

«Ромео и Джульетта», увертюра.

«Тифлисский Листок» дал (№ 76, 17 апр.) краткую био-
графию композитора и хвалебную рецензию (№ 80, 22
апр.) о концерте 19 апр.

* * *

В Тифлисе Чайковский сделал первые наброски оперы
«Чародейка», оконченной в 1887 году.

Выехав 29 апреля на пароходе «Армения» из Батума,
он прибыл через Марсель в Париж 16 мая.

1887 г.

Чайковский выехал из Москвы 20 мая, чтобы по Волге и Каспийскому морю, через Баку, приехать в Тифлис. По пути, на пароходе с ним произошел забавный случай, характеризующий наших диллетантов. Вот как рассказывает М. И. Чайковский (т. III, стр. 168) об этом эпизоде:

«Петр Ильич так ловко устроился в знакомстве со спутниками, что никто не знал, кто он такой. И вот, однажды, на импровизированном музыкальном вечере пассажиров I класса, Петр Ильич вызвался аккомпанировать какой-то любительнице, которая, при пении его же романса, делала ему замечания на счет неправильности аккомпанимента и при робком возражении Петра Ильича, отвечала, что она лучше знает, «потому что сам Чайковский проходил эти романсы с ее учительницей». Другой пассажир в этот же вечер рассказывал Петру Ильичу «как Чайковский так восхищался тенором Лодием в партии Орлика в «Мазепе» <партия Орлика басовая, а Лодий—тенор>, что в уборной рыдал на его плече».

В этот приезд композитор провел 10 дней в Тифлисе и 25 дней, с семьей брата, на даче князя Ираклия Грузинского в Боржоме, куда приехал также другой брат его, Модест, со своим воспитанником, Колей Конради.

Дневник за этот период ведется местами еще более лаконично, чем в прошлом году. Количество опубликованных писем также меньше и касается преимущественно различных дел, не имеющих отношения к Кавказу, вследствие чего

приведены мною in extenso.¹⁾ Еще более скудны газетные сведения.

ИЗ ДНЕВНИКА № 6.

3 Июня. Дома. Жара. Муштаид. Завтрак. Чтение. Сестра Карганова. Много пела. Прошелся. После обеда в театре с Колей Пересл. Смотрели декорации Ж [и з н ь] за царя, Спектакль. Д и к а р к а. Ужин всей компанией в Кружке.

4 Июня. Буря. В Муштаид за Татой. Обед в 3 часа. С Колей прогулка. Пиво в Ротонде. Карточный вечер у нас. Лидов. Пешкешь. Стихи В. Ки. Конст. Критика Тебенькова.

5 Июня. Дома все утро. После завтрака ходил гулять по городу, заходил к Ланко за Моцартом. После обеда пошли с Колей в К р у ж о к. Чтение. Партня в винт с Орловским, Каргановым и Колей. Ужин. Саванелли.

6 Июня. Встал в состоянии усталости и не в духе. Ходил гулять в город и через Верийский мост вернулся. Заходил и в театр за ложей. Питоев. Дома просматривал О т е л л о Верди. Обед в честь Савиной в Кружке. Речи. Партня (О п о ч и н и н и Р о г г е). Дома. Рано лег спать.

7 Июня. Воскр. Известие о смерти Никса Литке. Грустно. Обедня в Сионском. Служил простой поп. Конец обедни в экзаршеской. Архирей Александр. Азиатский ресторан. Утренний спектакль. Г о р е о т, у м а. Обед у словесника. Странные люди. Прогулка в Ботан. сад. Дома. Ротонда. Пиво. Мальчик Б е г г л я р. Кружок.

8 Июня. Ходил в город. Дома. Коля Переслени. С ним в Р о т о н д у пить пиво. Мы одни. Б а к р а д з е. Он дирижировал попури из Онегина. После обеда я с Колей в театр. Прощальное представление Савиной. D i v o r ç o n s. Кружок. Ужин всей компанией.

9 Июня. После чая пошли с Паней к Гончаровым. Разговоры с ней и турецким консулом. Я с визитами к Андре-

¹⁾ Полностью. Р е д.

евым, Орловским, Смиттенам. Квинтет Прибика у него. Обед дома. Гаккель, доктор. Все в Ротонду. Черное пиво. Толстой. Итальянский консул. В Кружке. Газеты. Ужин.

10 Июня. Муштаид (Паня в это утро уехала и чай подавал мне Яков—курьер). В 11^{1/2} Коля Переслени. С ним за покупками у Тебенькова в Европе, я у Рогге вместе у Гаккеля, у Смиттена, у М-те Карнович (не застали) и обед у Быковых. Прогулка обществом в Ботан. сад. Боря и Миша. Партня в Кружке с Тебеньковым, Колей и Смиттен. Ужин с М-те Быковой. С Орловским, Колей и прямо в Европу. Степан. Девки.

11 Июня. Рано встали. От'езд. Обычная суета. Коля Переслени. Случайно отысканный щенок Крак. Отделение. Любовался чудесными видами. Толя все спал, да и я отдал дань Морфею. В Михайловке обед. Чудесная дорога до Боржома. Несколько тяжелое впечатление вследствие тесноты вида и ограниченности горизонта. Сцена с Алексеем, который на что-то дуется, чорт бы его взял. Прогулка в Воронцовский парк. Обед. Катался с Толей. Усталость. После чаю спать легли. У меня всю ночь кошмары, но наслаждался прохладой. История с поварами.

12 Июня. Вставши, пошел в парк минер. вод и сделал божественную прогулку куда вверх от последнего моста, потом по лесу, потом на большую дорогу к деревне и т. д. На возвратном пути встретился с Толей. Он мне указал купальни. Чудесную ванну взял. После обеда сидели дома. После чая в саду, пошли на музыку. Заходили к доктору. Он велел придти утром. Встретили Прянишникову. Дома; вскоре после ужина разошлись. Опять кошмары.

13 Июня. Волновался перед визитом доктора. В 10 был у него. Он постукивал и пощупывал, при чем местами больно было. Нашел что печень зашла куда-то, где не следует. Сейчас же начал пить воды. Встреча с Алекс. Арк. Давыдовой и ее детьми. Михайловский и Акимов. Толя. Кофе. Гулял.

Ванна. Елизаветин глаз. Заблудился. Совершенно неожиданно вернулся по Воронцовской дороге. После обеда читал. Ал. Арк. Давыдова чай пила. Дождь. В парке пил воду. У всенощной. Телеграмма от Н. Ф. ф. М[екк]. После ужина вскоре спать лег.

14 Июня. Воскр. Вода. Чай с особенным наслаждением дома. Читал Разумовского, писал письмо. Ванна. После обеда с Паней в парк. Дома боролся со сном и вообще весь день слабость чувствовал. Ал. Арк. Давыдова со всей своей компанией появилась для совместной поездки куда-то. Я отказался и с наслаждением остался дома и чай пил. Вода в парке. Ходил на почту, по мосту влево по обоим направлениям. Дома. Ужин. Разговоры о том и о сем. Аптекарский счет повара. Волнение. Рано удалился к себе.

15 Июня. Встал в 7 часов. Оделся без помощи Алеши и пошел воду пить. Чай. Чтение. Совершенная неохота и неспособность к работе. Письма. Ванна. Прогулка по парку. Весь день у меня все тело, особенно ноги болели. Обед. Дождь угрожал, но я успел, для разогнания сна, прогуляться по дороге к Черной речке. Чай. Дождь. Под дождем в парк воду пить. Музыка под навесом. Дома получил письмо от бедного Н. Д. За ужином разговоры про слуг.

16 Июня. Великолещный день. Встал в 7 $\frac{1}{2}$. Чувствовал в течении всей процедуры питья вод какую-то тяжесть и неохоту двигаться. Чай и чтение. Немного сочинял (начало секстета). Ванна. Чудесная прогулка наверх и через Воронц. парк домой. Вскоре после обеда проводили Толю, уехавшего с А. Арк. Давыдовой. Гостиница Марсель. Михайловский. Дома один у пьянино. Чай. С Паней в Воронцовский и оттуда на музыку. Николай Бежанович и его жена. Паня заставила ходить по аллею, где публика. Дома. Интересные газеты. Ужин вдвоем, разговоры о разных разностях.

17 Июня. Встал в 7 $\frac{1}{2}$. Воды. Чудная погода, свежо.

После чая доканчивал 4 Разумовских. Письмо к Н. Д. Кондр. После купанья опять Воронцовским парком (с варьяциями) домой вернулся. После обеда начал инструментовку варьяций Моцарта. С Паней и Толей на ферму. Оттуда я пробрался в Дворцовый парк. Неудачный под'ем. Спустился по дорожке натолкнулся на змею. Долгая борьба с самим собою; безумное желание убить. Наконец, вернулся. Попал на развалины. Чудный вид. На извозчике в парк. Паня. С ней ходил и пил воды. Дома газеты и письма от П. И. Ю. Ужин. Разговоры с Паней про Соловцовых и т. д.

18 Июня. Отчего-то мне каждый раз ужасно трудно бывает утром ходить; сегодня как-то особенно было трудно. После чая читал и одну варьяцию синструментовал. Купанье. Ходил по парку. Встретил идя домой турецкого консула. Он сделал визит Пани, вследствие чего обед запоздал. Писал письмо государю. Чай. Гулянье с Паней на развалины и по чудной, запрещенной дороге. Воды. Уже стемнело, когда вернулся. Сегодня здесь министр Ваиновский. Видели Девдориани в числе лиц свиты на балконе Кавалерского домика. Слуги что-то ссорятся (Степан и Аннушка) и моего бедного Алексея тут же вмешали. Подсматривал, как ужинали соседи.

19 Июня. Немного проспал. После питья вод, прогулки и чая инструментовал сюиту Моцарта. Купанье. У нас обедали консулы турецкий и германский. Они ушли с Паней в Воронцовский парк. Я у фортепьяно немножко занялся. Дивная прогулка по Воронц. парку, дороге и дальнему спуску. Музыка. Народ. Дома масса писем. Луная ночь. Ходил немного с Алешей. Страхи Пани по поводу повара.

20 Июня. После вод и чая писал письма. После купанья вернулся домой Воронцовским парком. За обедом визитеры во фраке, учителя гимназий. После обеда инструментовал. После чая ходил с Паней на Черную речку. Цыгане, их собаки и приставање. Я с Милором в парке. Потеря пу-

говки. Слишком легкий ужин. По саду с Алешей. Сосед гимназист то на скрипке пил, то пел. Разговоры с Паней о Москве и московских.

21 Июня. Воскр. После вод и чая поехал с Паней в церковь. Ванна. Прогулка по парку. Обед. Письма. Болтовня с Паней. Чай. Один в парке дворцовом. Все выходил. Красота. Дома нашел Тебенюкова. После ужина поехали на танцевальный вечер. Смотрели.

22 Июня. Понед. Воды. Усталость. Посещение доктора и возобновление ваннх билетов. После чая письмо Н. Ф. писал. Ванна. Тебенюков. На Торскую дорогу. Визит Гросмана. Обед. Устройство комнат для Модеста и Коли. Варьянни Моцарга. Чай. Продавец колец и обойщик. С Паней и Тебенюковым в великокняжеский парк. «Прошу без собак!» Чудный вид. Уже в темноте воду пил. Когда кончили ужин, неожиданно Модест появился. Коля. О Лигке и Кондр. Проводил. Решил переселиться на верх.

23 Июня. Воды. Чай с Модестом уже не у себя, а в столовой. Ходил с Модей по Воронц. п., по б. дор и по мостам. Ванна. Обед. Варьянни. Чай. Тебенюков. Прогулка по дороге вдоль пр. б. Куры против течения. Воды. Ужин. Дождь. Разговоры о коврах, коллекциях, художниках.

24 Июня. Проспал. Чай в первый раз на новом месте на моем балкончике. Письма. По дороге в ванну, встретил Паню. Прогулка через снгу (вообще я чувствую сегодня особенную слабость и ночью просыпался от ужаснейших кошмаров) через Елизавет. глаз, дорогой прямо домой. Обед. Тебенюков. О литературе. У себя на верху. Гроза. Страх. Модя навестил. После чая хотели кататься, но дождь. Пил воды. Прошелся к армянской церкви по грязи. Дома читал письмо Эммы о Н. Д. К. (он накануне отъезда за границу) и газеты. После ужина и до, и после разговоры о спиритизме и Энглингтоне. Конфеты. Дождь. Фокусы. Алексей перегородку устроил.

25 Июня. Слабость, но в отношении констипации лучше. Письма. За обедом Тебеньков. Приехали, когда я занимался. Толя и Кокодес. Чай. Прогулка всем обществом на Минеральные воды и по Торской дороге. Было очень сыро. День дождливый. Занимался немного. После ужина винт с Тебеньковым.

26 Июня. Спал на пружинах и вероятно поэтому несколько лучше. После чая письма писал (боже! как мне эта почта надоела!). С Колей Конр. в ванны. Прогулка. Посещение больного Прянишникова. У них чудесный вид. После обеда работал и боролся со сном. Чай в Воронцовском. Оттуда на воды. Елизаветин глаз. Питье воды. Кокодес. Домой. Я поработал. Ужин. У бедного Тебенькова мигрень. Винт, в коем Коля Конради участвовал.

27 Июня. Спал лучше. Все то же: воды, прогулка, чай, чтение, письма. (Ох, эти письма!) Ванна. Прогулка. Обед. Желудок весь день по старому, скверный. Занился. Чай. Пешком с Толей, Модей, Колей Конради и Колей Переселени (которого встретили и затащили под условием фаэтона) в Ликанский монастырь. Очень интересно. Устал. Воды с Колей в 9-ом часу. После ужина винт, в коем и Тебеньков участвовал. Писание на руке (!?! Неужели?) Я поверился.

28 Июня. Воскр. Большая экскурсия по Торской дороге. Обед на высоте. Очень утомился. Уже не так хорошо было в этот день с здоровьем, как в начале. Вообще, что-то плохо воды действуют. Вечером обедали в 6-ом часу и винт. Коле очень не везло.

29 Июня. Не особенно веселые именины. После обедни и ванны завтрак в гостинице Бакрадзе. Прогулка соло на развалины. Гости, коих ожидали (Орловский и Карнович) не приехали. Обедали одни (и конечно Тебеньков и Кокодес). Прогулка к Черной речке. Винт. Отъезд. Во всем звучала какая-то невеселая нотка. Я послал телеграмму Н. Д.

Кондр., которая неминуемо должна была привести к отъезду, но скрывал это.

30 Июня. Пьяный с катцен-наммером. Алексей. Особенно рано встал. Холодно. Занимался. Ванна. Прогулка по парку очень далеко. После обеда читал. После чая с Толей, Модей и Колей в великокняжеский парк. Воды. Памя с вечным Тебенковым (может быть, он прекрасный человек, но этот вечный *tête à tête* с Паней начинает мне не нравиться). После ужина телеграмма от Н. Д. Кондр. Решено ехать. Винт с усилием. Отъезд Тебенькова. Данные ему поручения.

1 Июля. Скверно, разумеется, спал и встал с петухами. Воды. Письма. После обеда чуть не заснул внизу на диване. (Тата забавляла нас). У себя спал до чая. Прогулка втроем (Толя и Модя) на мою запрещенную дорожку. Воды. Я с Модей и Колей на детском балу. Лезгинка. Знакомство с дамой, похожей на Таню. Ужин и небольшой винт. Лег спать рано и отлично спал.

2 Июля. Воды. После чая занялся Моцартом. Вдруг визит трех невероятно глупых господ с просьбой о хоре. Что можно было выдумать более глупого!!! Это все этот несноснейший г. Вольшевский. С трудом злобу скрыл. Купанье. Поездка с Паней и Колей в самый конец парка мин. вод. После обеда ходил к Черной речке и далее по шоссе. После чая ездил с Паней и Модей туда же кататься. Мин. воды. Беспокойство о Коле, уехавшем верхом и все еще не возвратившегося <шемся>. Пошли туда. Беспокойство достигло мало по малу до полного отчаяния. Наконец, он появился уже в 9 часов. Мы сидели далеко за глазной больницей в темноте, когда это случилось. Господи, что за радость была! Ужин (повара прогнали и готовил Степаи!). Рано лег. Приходил перед катаньем профессор со стихами. Хорош гусь!

3 Июля. Рано встал. Воды. Обычное удиранье от гене-

рала Янковского и т. д. После чая едва начал заниматься,—явился этот несноснейший и противнейший г. Вольшевский. Я всячески сдерживал себя, чтобы не наговорить ему грубостей. Куда убежать от подобных людей??? Насилу спровадил. После купанья через Воронцовский—домой. Обед Степанова изделия, очень удачный. Боролся после обеда со сном и насилу победил себя. После чая один в Воронцовский. Слушал музыку с Панина глаза. Удирание от публики в парк. Дома нашел письмо от Тебенькова и заграничный паспорт. После ужина небольшой винт.

4. Июля. Воды. Чай. Газеты. В Нов. Вр. меня в первый раз называли «маститый» композитор. Злился. Письма. Ванна. Толя с Паней у источника. На Торскую дорогу. Спустился влево, к лагерю. После обеда работал «А вегит». Коля Переслени приехал. Чай. На Панин глаз. Смотрели на Толю, который был на Торской горѣ. Внизу. Фокусник. Недурное представление. Придonoв и деньги. Ужинали после представления.

5 Июля. Воскр. Пил воды. Заходил к докт. Геїдеману. Простился и заплатил. Дома. Разные деловые занятия. Поручение Алексею. Прогулка по Воронцовскому парку. Визит к проф. Марковникову. О затмении. Дома. Обед. Геїдеман и Прянишников. Мороженое и какао. С Прянишниковым просмотрели всю Чародейку и уговорились. Чай. Поездка в Зеленый Монастырь. Проводники. Грек. Дома. У нас гости: Прянишников с женой и племянницей, певица Юзефович (оказалась Степовой, товаркой Анны) с учительницей. Пела. Очень хороший голос. Ужин.

6 Июля. Воды. Выехали в 10 ч. Тата (которая в это утро была со мной застенчива) провожала нас немного. Ехали в коляске (Паня, Толя, Коля, Пересл. и я). Модест не здоров и не поехал. Разговоры о семье Кондратьевых. Обед в Михайловке. Поезд. Нет места, но я попал в вагон туза и ехал в нем до Батума. Прощанье. С Толей и Колей

до Сурама. Дальнейшее путешествие. Читал. Хорошо было, но под вечер сильная тоска напала. Потом прошло. Я дремал до моря. Любовался морем. Батум. Hôtel Impéria]. Ужин. Рядом кн. Чавчавадзе, важный генерал и его свита ужинали. Помню отлично—все это ровно 10 лет тому назад было!!!???

7 Июля. (Батум). Вставши и напившись чаю, пошел побродить, а билеты на пароход поручил взять швейцару. Сад у моря в сравнении с прошлым годом заглох и имеет заброшенный вид. Был в порту, пил в кофейне турецкий кофе. Ходил по берегу, вдоль рельсов и дошел до батарей. Жара непомерная. Дома написал Пани письмо. С Алешей купались. Извозчик из орловских мужичков. Завтрак. Опять ходил по городу и турецкий кофе пил. Купил кое-что. Дома. Чай. На пароход. Вышли в пятом часу...

П И С Ь М А

К Н. Ф. фон Мекк.

Тифлис. 30 мая 1887 г.

Милый дорогой друг мой, сегодня я, наконец, приехал в Тифлис после 10-ти дневного путешествия. Вы, вероятно, получили или, почти в одно время с этим, получите письмо мое, писанное на пароходе. После того, как я его написал, путешествие мое продолжалось самым благополучным образом до Баку. Этот город совершенно неожиданно для меня оказался прелестным во всех отношениях, т. е., правильно и красиво обстроенным, чистым, и при этом необычайно характерным, ибо восточный (а именно персидский) элемент так сильно там преобладает, что точно находишься где-нибудь на той стороне Каспийского моря. Одно только бедствие: это, — что слишком мало зелени. Вечная засуха и каменистая почва делает то, что даже содержимый правительством, чудесно распланированный Михайловский сад пред-

ставляет грустное зрелище высохших деревьев и совершенно пожелтевшей травы. Купанье великодушное. На другой день по приезде я ездил осматривать местность, где добывается нефть и где несколько сот нефтяных колодцев и фонтанов ежеминутно выбрасывают сотни тысяч пудов нефти. Это—грандиозное, хотя и мрачное зрелище. На мое счастье, накануне моего посещения, огромный новый нефтяной фонтан стал бить на одном из участков, принадлежащих Ротшильду. (Немцы, евреи и армяне преобладают среди нефтепромышленников). Дорога от Баку до Тифлиса идет по каменной, пустынной местности.

К М. М. Ипполитову-Иванову.

20 июня 1887 г.

Поверьте, что я уж, конечно, не менее вас жалел, что пришлось попасть в Тифлис, когда уже вас там не было.

К П. И. Юргенсону.

Боржом. 24 июня 1887 г.

Не знаю уже, воды ли имеют такое действие, или воздух, или образ жизни (страшно много хожу пешком), но только до сих пор я не испытываю никакой потребности «творить» и потому почти ровно ничего не делаю. Я сказал «почти», ибо около часу в день занимаюсь инструментовкой фортепьянных вещей Моцарта, из которых к концу лета должна образоваться «сюита». Мне кажется, что этой сюите, благодаря удачному выбору вещей и новости характера (старина в современной обработке), - предстоит большая будущность, особенно за границей. И потому ты не огорчайся, что в скором времени тебе придется эту сюиту издавать. Не знаю только, как ее назвать; нужно изобрести новое слово из имени «Моцарт», ибо если сюита будет иметь успех, я

потом и другую и даже третью сделаю. Мне не хочется «Моцартнана», ибо это напоминает «Крейслернана» и т. п.

К П. Чайковской.

Батум. 6 июля 1887 года.

Паничка, боже мой, неужели взаправду я покинул Боржом и вас всех. Ехал я, представь себе, в отдельном вагоне. Какой-то железнодорожный туз ехал на станцию за Сурамом, где вагон должны были отцепить, но, узнавши, что я такая важная особа, он просил меня сесть в его прелестный вагон-салон и я в нем один катил до Батума. Остановился в отель Империяль. Как живо припоминал наше прошлогоднее пребывание здесь! Те же комнаты, те же лица, все то же.

К М. Чайковскому.

Пароход «Владимир». 8 июля.

Вчера все утро пробродил по Батуму. Сравнительно с прошлым годом он как будто упал. Купцы из лавок высматривают очень меланхолически, в улицах пусто, а сад на берегу моря положительно гложет. Купался в море. После завтрака опять бродил, сидел в турецкой кофейне, пил кофе и читал газеты. В 4 часу перешли на пароход.

К М. Чайковскому.

Ахен. 16 июля 1887 года.

Я не могу подумать без щемящей боли о <прекрасном> боржомском воздухе и вообще стараюсь не думать о Боржоме.

Г А З Е Т Ы

«Кавказ» в № 140 (31 мая) поместил только сообщение о том, что «Вчера прибыл П. И. Чайковский». Такое же известие поместил «Тифлисский Листок», а «Новое Обозрение» не упомянуло даже об этом.

О пребывании композитора в Боржоме брат его, М[одест] И[льич], дает следующие краткие сведения:

«Волшебные красоты места не сразу были им оценены. Загроможденный горами горизонт, мрачная флора, самая густота ее и обилие тени показались ему грустными и неприятными, но мало по малу, знакомясь с неисчерпаемым разнообразием прогулок этой удивительной местности, Петр Ильич начал мириться с ней и когда через десять дней я приехал в Боржом, он уже был от него в восторге и радостно знакомил меня с его красотами. Тем не менее настроение Петра Ильича в это время было все таки не хорошее, что и отражалось на «нежелании творить».

Причину такого настроения брата Модест Ильич объясняет смертью одной родственницы и смертельной болезнью одного из друзей.

Об упоминаемом в дневнике «словеснике» (7 Июня. «Обед у словесника. Странные люди») мне рассказывали забавный эпизод. Преподаватель словесности в одной из двух тифлисских гимназий, участвуя на обеде в честь М. Г. Савиной, изрядно напился и в таком виде осыпал Чайковского восторгами, признался в преклонении перед его гением и взял с него слово «оказать честь» и придти на следующий день к 3 ч. обедать, а сам, подобно Гоголевскому помещику (в «Коляске»), забыл об этом приглашении и был весьма смущен, когда, среди более чем скромного обеда, сидя в жилете, с расстегнутою рубахою и с женою в таком же простом и легком костюме, увидел входившего к нему Чайковского в черном сюртуке, пунктуально исполнившего свое обещание.

В ноябре того же 1887 года композитор собирался вновь в Тифлис, но предстоявшие зимою концерты из его собственных сочинений в разных городах Европы, где ему предстояло дирижировать, не позволили ему совершить дальнюю поездку на Кавказ.

1888 г.

Чайковский провел в Тифлисе 25 дней, с 25 марта до 20 апреля. Дневника за это время не существует. Из писем опубликовано только два.

П И С Ь М А

К М. Чайковскому.

Тифлис. 28 марта 1888 г.

Приехал сюда третьего дня совершенно обожженным солнцем, ибо начиная с Душета была неописанная жара. Она здесь стоит уже давно. Все зелено. Деревья фруктовые уже отцветают. Мне очень приятно в Тифлисе, но долго я здесь не останусь, ибо меня невыразимо тянет к себе домой... Я только не жалею, что не буду писать «Пиковой дамы»... Такой сюжет, как «Пиковая дама», меня не затрагивает и я мог бы только кое-как написать... Во всяком случае я здесь останусь до половины шестой недели <поста> и в конце апреля буду в Москве. Ох, как я утомлен и как мне хочется работать, ибо, именно, работа и сознание, что я что-нибудь путное делаю, может возвратить меня в свою тарелку.

К П. И. Юргенсону.

Тифлис. 28 марта 1888 года.

Милый друг, приехал сюда после двухнедельного путешествия третьего дня. Устал очень, но подобно тебе чувствую себя, наконец, дома и это ощущение очень приятно.

Г А З Е Т Ы

«Кавказ» поместил у себя три сообщения: 30 марта (№ 85): «Прибыл 26 марта П. И. Чайковский»; 14 апр. (№ 100): «Находящийся в Тифлисе П. И. Чайковский, как мы слышали, занят подробным описанием своего последнего артист. путешествия по Зап. Европе. Статья появится в одном из наших толстых журналов». Сколько мне известно, ничего подобного не было. 16 апр. (№ 102): «П. И. Чайковский выехал в пятницу 15 апр. по Военно-Грузинской дороге в Москву».

«Новое Обозрение» поместило 9 апреля (№ 1486) мало удачное стихотворение («Баян»), посвященное композитору и написанное Фед. Влад. Вишневым, саперным полковником, известным в литературе под псевдонимом Ф. В. Черниговец, переводчиком «Свободы воли», «Афоризмов» Шопенгауэра в издании Суворина, автором многих стихотворений и фельетонов в «Новом Времени» и др. изданиях.

В «Тифл. Листке» — ни слова.

[ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА]

В это время театр был закрыт, состоялось два концерта: 27 марта «в пользу недостаточных учеников Тифл. Реального училища» с участием В. М. Зарудной, Ип.-Иванова, Лодня, В. Д. Корганова и др. 3 апреля — симфонический концерт Муз. Об-ва, в программе которого не было ни одного произведения Чайковского; Зарудная по болезни не участвовала; публики собралось очень мало и крошечный театр на берегу Куры (новый театр на Головинском проспекте еще строился) был на три четверти пуст. В это же время шли репетиции благотворительного концерта, устроенного Ел. Ал. Гончаровой.

Председателем Тифлисской Судебной Палаты был тогда (1885—1891) гофмейстер Серг. Серг. Гончаров, приехавший в Тифлис с женою и свояченицею. Это была интересная, типичная пара супругов-аристократов. Оба очень высокого роста, с прямой величественной осанкой, с любезно-снисходительною речью в обращении с окружающими и с английским разговором между собою. Он—стройный, худой, с красивым бритым лицом и с моноклем. Впоследствии он был влиятельным консервативным членом Государственного Совета и, отказываясь от портфеля министра юстиции, предпочитал принадлежать к так называвшейся «Звездной Палате», вершавшей судьбы России за кулисами правительства. Она—довольно дородная, но туго стянутая корсетом, с правильными породистыми чертами лица, напоминавшими портрет Дашковой, сподвижницы Екатерины II. Приехав в Тифлис, они наняли весь двухэтажный особняк около Муштаида (дом Саатсазова, по Михайловской ул. № 189), на западной окраине города, комнат 15, обставили мебелью, картинами, множеством миниатюр, привезенных из Петербурга; держали своих лошадей, экипажи, в которых жена обыкновенно раз'езжала по городу, тогда как муж предпочитал в нескверную погоду ходить пешком даже на службу, хотя квартира их отстояла от здания судебных учреждений более чем на две версты. Детей у Гончарова не было; жила при нем сестра жены, старая дева, неслышная, незаметная, миловидная, но небольшого роста, худенькая.

Жена гофмейстера, богатая *grande dame*, естественно должна была занять выдающееся место в небольшой группе местных «дам-патронесс» или «акробатов благотворительности». Она стала ежегодно устраивать концерты в пользу «Приюта для детей ссыльных», подведомственного ее мужу. В двух таких концертах я, будучи молодым саперным офицером, был приглашен участвовать преимущественно для аккомпанимента на рояли певцам и певицам, так же люби-

телям, как и все прочие участники концертов. Любительский хор был под управлением Д. М. Пугинова; тут были и офицеры, и чиновники судебного ведомства, и барышни из местной, преимущественно армянской, буржуазии, участие которых вызывало тщеславие и щедрые пожертвования богатых родителей. Репетиции проходили по вечерам в квартире Гончаровых, а приглашения на репетиции хозяйка сама развозила в карете, с ливрейным лакеем на козлах, при чем к молодым и холостым любителям она не входила, а оставляла им собственноручные записки на красном картоне в таком же конверте. Репетиции, видимо, особенно занимавшие и забавлявшие хозяйку, сопровождались чаем со множеством крошечных тартинок¹⁾, которые десятками истреблялись двумя гурманами²⁾, мною и Николаем Вадимовичем Переслени. Переслени, которого знакомые называли Николаем Владимировичем, а приятели—Коко или Кокодес, был тогда помощником секретаря Судебной Палаты; умер он в Тифлисе около 1914 г. в должности члена Палаты; это был симпатичный и забавный бонвиван³⁾, всегда нуждавшийся в презренном металле. В те времена я начал пописывать в газетах, в которых сообщал иногда сведения из столичных музыкальных журналов об успехах концертных турне П. И. Чайковского по Европе, где его приглашали дирижировать своими произведениями. При каждой встрече Коко Переслени, бывший в родстве с Чайковским, комично налезая на меня уже довольно солидным брюшком, расспрашивал:

— Ну, голубчик, где теперь Петр Ильич? Успешно ли прошел концерт? Куда он направляется дальше?

— А на что вам?— задал я ему однажды вопрос.

— Как на что?! После каждого успешного концерта я сейчас же узнаю у Анатолия Ильича его адрес и посылаю поздравительную телеграмму с припиской о том, чего у

1) Бутерброд. 2) Лакомка. 3) Кутила, человек, любящий пожить. Р е д.

меня недостает, а он мне почтой высылает полдюжины носков или платков, или галустухов.

За мои сообщения Коко платил мне своею заботливостью об удовлетворении моего аппетита: если я на репетиции был занят аккомпаниментом во время появления микроскопических тартинок, то он одну тарелку с ними прятал за оконной драпировкой и шептал мне на ухо:

— На окне. Только для вас.

Раза два Гончарова приглашала меня обедать, чтобы за столом обсудить программу предстоявшего концерта и состав участвующих. Обеды эти мне памятны вследствие одного забавного эпизода. В конце обеда подавалась в матовых чашках тепленькая водица с лимоном и мятою для полоскания рта. Тогда я впервые познакомился с этим безобразным, противным обычаем великосветских обедов. Как-то хозяйка мне задала какой-то вопрос в то мгновение, когда рот мой был полон этой водичкой; торопясь ответить на вопрос, я поспешил проглотить воду, после чего этот обычай стал мне еще противнее и впоследствии, когда предо мною ставили такую чашку, я только для виду прикасался к ней губами.

По окончании репетиций, около 12 час. ночи, когда движение конки бывало прекращено, гостей ожидали 2—3 вагона, развозившие нас по домам. Это производилось по заказу хозяев и на их счет. В одном из этих концертов я аккомпанировал солистам и оркестровую партию к «Венгерской фантазии» Листа на втором рояле. В другом концерте (25 апреля) мне предстояло дирижировать игрою восьми девиц в 16 рук на 4 роялях. Были выбраны следующие пьесы: «Souvenir de Hapsal» (opus 2) Чайковского, увертюра Бетховена к «Эгмонту» и полонез из «Жизни за царя».

Из трех частей «Souvenir» предстояло играть № 3, Chant sans paroles, незамысловатую, простенькую пьесу, не имеющую характерных своеобразных черт музыки Чайков-

ского, которую я всегда любил и которую, тем не менее, избегал слушать в хорошем исполнении, когда особенно ярко проявлялась его болезненная грусть, его частые модуляции или хроматизмы, секвенции или ритмические перебои. Я уже тогда обратил внимание и кажется первый «открыл» преобладание тем, построенных на диатонической гамме (напр., Баркаролла, ария Ленского пред дуэлью, сопровождение оркестра в сцене письма Татьяны, ария Греммина, ария Германа, ария Лизы, мазурка и вальс в фортепианном трио, романсы «Страшная минута», «Так что же», «Средь шумного бала», вальс в «Щелкунчике», *andante* в струнной серенаде, скерцо V симфонии и мн. др.); когда впоследствии, в одной из своих рецензий, я изложил свое «открытие», то вызвал диаметрально противоречивые отзывы музыкантов: одни находили, что эта особенность указывает на скудость изобретательности мелодического творчества; другие, напротив, полагали, что только гений может творить десятки, даже сотни мелодий, состоящих из более или менее длинных отрезков гаммы и, в тоже время, красивых, содержательных, и ничуть не похожих одна на другую.

К концерту предстояло две или три репетиции в зале нового «Кружка», в доме, завещанном городу Тифлису старухой Шноевой, на углу Головинского проспекта и Давидовской улицы, против постоянного двора на земле Орбелиани, где впоследствии выросло красивое здание «Артистического Общества».

В это время распространился слух об ожидаемом приезде Чайковского, но это ничуть не смущало меня, ибо я почему-то был уверен, что он не посетит любительского концерта.

В праздничный день, утром, в зале Кружка начали мы репетировать Полонез; потом приступили к *Souvenir de Naples*. Зал был пуст, слушателей—никого. Вдруг открывается дверь на противоположном дальнем конце зала и входит

Гончарова в сопровождении 5—6 лиц, в числе которых узнаю знакомую по фотографиям внешность Чайковского!.. Что стало со мною — трудно описать! Я смутился, оробел, растерялся, рука задрожала, в глазах потемнело. Оставив всю группу посетителей в конце зала, Чайковский неслышными, мягкими, медленными шагами направился прямо к эстраде.

Я продолжаю махать рукою, но как-то машинально, бессознательно, проклиная день, когда согласился взяться за это совершенно незнакомое мне дело. А Чайковский все подвигается медленно ко мне, к ступенькам из зрительного зала на эстраду. Его прямая, стройная фигура, как привидение, надвигается, подымается, обходит рояли и приближается ко мне сзади. Пьеса эта небольшая, продолжается минут 5, которых было достаточно, чтобы пройти зал и очутиться за моей спиной при последнем звуке замирающего финала пьесы.

— Позвольте познакомиться, Чайковский, — обратился он ко мне, протягивая руку.

Я замер и ждал: что будет дальше?

— Что же вы машете под пюпитром, у самого пола? Ведь дамы не видят вашей палочки.

Напрягши силы, я ответил:

— Хорошо еще, что я сам не полез под пюпитр и не растянулся на полу.

— Ну, ну, будьте смелее. Какие еще у вас там пьесы? Полонез? Эгмонт?.. Заберите ваши ноты и приходите ко мне завтра утром в 9 часов. Я живу у брата, на Консульской. Мы вместе проштудлируем все три пьесы. До свиданья.

Затем, обращаясь к девицам, сидевшим у роялей, он сказал:

— Дамы хорошо разучили свои партии. Все пойдет отлично. Надо только отделать кое-что.

Затем, видимо, заметив ошеломляющее впечатление, произведенное им на меня и сообщившееся девицам, Чайков-

ский отвесил всем поклон, направился к выходу и вся группа посетителей исчезла, оставив нас в самых «растрепанных чувствах». Кое-как мы окончили эту репетицию и разошлись с тем, чтобы собраться на следующую, в ближайшее воскресенье, когда я явлюсь уже в качестве «ученика Чайковского».

[ПРОГУЛКИ С ЧАЙКОВСКИМ]

В назначенный час я был у Чайковского в его маленькой комнатке, где едва помещались кровать, стол и пианино. Он расспросил меня о прошлой моей музыкальной деятельности и затем, раскрыв принесенные мною двухручные переложения трех пьес, по которым я дирижировал, он, помнится, наскоро сделал несколько указаний относительно Полонеза и *Souvenir*, тут же карандашом отметив на моих нотах несколько нюансов. Ноты с его собственноручными пометками, вероятно, находятся в Тифлисской Консерватории, которой я подарил всю мою музыкальную библиотеку в 1921 году. Над третьей пьесой, — «Эгмонтом», — мы провели около получаса, при чем Чайковский делал на нотах также карандашные заметки и, узнав, что мне не знакома программа этой увертюры, стал рассказывать о тяжелых шагах испанских солдат, присланных усмирять мятежных нидерландцев и изображенных в аккордах *andante*, $3/2$, о мольбе угнетенного народа, о финальной победе последнего и пр... *Andante* он советовал дирижировать шестью взмахами: два вниз, два влево, два вправо, а финал — одним взмахом на такт. По окончании этого «урока» мы беседовали еще с полчаса, при чем он заметил, что я часто поглядываю на его необыкновенно красные руки.

— Это у меня на нервной почве; французы называют эту болезнь — *rougeur*. Из-за нее я иногда дирижирую в перчатках.

О крайней нервности композитора я знал раньше, но

слышал, что эта нервность проявляется преимущественно в частых слезах, в плаче и даже рыданиях, которые случаются почти всегда в одиночестве, за каким-нибудь трогательным чтением, иногда от грустных размышлений, иногда после обильных возлияний Бахусу, которым он не стеснялся предаваться даже в компании, даже на званых обедах. Во все продолжение беседы я не мог оторвать глаз от этих правильных, больших и красных рук; все хотелось прикоснуться к ним; казалось, они должны быть горячие, пылающие. Однако, при прощании я был еще более удивлен, почувствовав их нормальную теплоту.

Выслушав мою просьбу о нотном автографе, Чайковский сначала задумался, потом долго рылся в своих бумагах и достал три листа нотной бумаги, исписанной карандашом со множеством переделок.

— Не понимаю: как это попало сюда?— проговорил он, протягивая мне эти листы, с которыми я познакомился дома у себя; на этих 12 страницах помещался вальс (скерцо) из пятой симфонии его. Насколько умел, я рассыпался в выражениях благодарности и хранил эту рукопись, покрыв каждый лист прозрачной бумагой (калькой), до весны 1923 года, когда принужден был продать ее берлинскому антиквару Joseph Altmann (Lützow Ufer, 13), который пустил ее, со всею моею прочею коллекцией автографов, в аукцион 5 и 6 мая; в его печатном каталоге № 25 этот автограф значится за № - 254: «Prachtstück: Skizze zum Walzer aus V

Symphonie»; в той же коллекции была записка Чайковского с конвертом (по тому же каталогу № 255) относительно рояля фабрики Дидерихса и оркестровой баллады «Воевода», о которых речь будет ниже.

Узнав, что я уроженец Тифлиса, Чайковский стал хвалить нашу природу, климат и общество.

— Для нас, северян, все здесь чудесно. Солнце нас редко балует. Теперь в Петербурге еще снег, туман... К со

жаленно, все мои близкие заняты днем службою, а я, поработав до полудня, отпраивлюсь пешком гулять, чаще всего в сад Муштаид, с которым просто сроднился. Там всегда хорошо, уютно! При всей моей склонности к одиночеству дома и на прогулках, иногда хотелось бы делиться с кем-нибудь впечатлениями, но приходится всегда гулять одному. Вы служите там же, где служил несчастный Веринковский? Он тоже бывал до обеда на службе. Вы знали его? Ах, бедняжка!

— Нет,—ответил я,—в Инженерном Училище при мне его не было, а в Тифлис я возвратился, когда его уже не было в живых. Иногда,—решился я прибавить,—я бываю свободен днем и, если позволите, то могу сопровождать вас в Муштаид.

— Хорошо. Ваша служба около Кадетского Корпуса. Видите, я даже знаю, где помещаются саперные казармы. Мы можем встречаться пред верхним входом в Александровский сад; около половины первого я вхожу туда.

— Нет,—возразил я,—служба моя около вокзала и я предпочел бы ждать вас на Михайловской улице, около немецкой церкви.

— Ну, чтож, можно и так. А часто ли вы бываете свободны?

— В неделю раз или два, от 12 до 2 часов,—соврал я и, забрав ноты, стал прощаться и благодарить за «урок».

— Значит, до свиданья. Я прохожу мимо немецкой церкви, когда часы на ней показывают ровно час. Впрочем, имейте в виду, что иногда я хожу в Ботанический сад, и не пеняйте на меня, если не встретите.

Вернувшись домой, я записал в дневник свои впечатления от этого визита и долго размышлял, как о нем, так и о предстоявших прогулках. Тон разговора Чайковского показался мне в одно и то же время любезным, искренним, но иногда холодным, снисходительно-надменным, что не вызы-

зало во мне симпатии к великому композитору. И какой это артист, гениальный артист?!—думал я.—Одет *tiré à quatre épingles*¹⁾, держится, как директор департамента, как истый правовед! Восхищается природою, но высказывает свое восхищение таким тоном, каким в салонах говорят чопорные дамы и кавалеры бомонда²⁾. А все же сильно тянуло меня к нему, к автору тысяч чудных гармоний. Хотелось узнать многое, многое от этого первого знаменитого композитора, с которым довелось мне познакомиться, который первый позвал меня к себе и удостоил интересной музыкальной лекции. Раньше я был знаком только с Ц. А. Кюи, но больше как с генералом-профессором фортификации, дававшим мне билеты на экзамены Петербургской Консерватории и помещавшим мои корреспонденции в своем журнале «Музыкальное Обозрение».

Я уже сотрудничал в периодических изданиях, уже выпустил (в конце 1887 года) первую свою книжку—жиденькую брошюру о Бетховене. Но меня привлекало и захватывало иное, меня преследовали «проклятые вопросы» из области философии искусства. Я жадно набрасывался на книги Гегеля и Прудона, Тена и Шербиюлье, но нашел ответы, хотя не вполне меня удовлетворявшие, только у Ханслика и Хельмхольца. Я удивлялся и возмущался тем, что не только в обществе, среди знакомых, но даже среди артистов, музыкантов, преподавателей Тифл. Музык. Училища я не находил ни в ком не только знакомства с этими авторами, но даже интереса к тем основным положениям искусства, которые, казалось мне, изложены правильно только у Ханслика, только у Хельмхольца. Такое мое настроение вызвало во мне потребность поучать публику и в 1889 году я прочел в «Тифлисском Кружке» две публичные лекции, в которых

1) Одет с иголочки.

2) Высший свет, артистическое общество. Р е з.

излагал популярно и сжато мысли Ханслика и Хельмхольца. Я тогда бредил ими, искал себе собеседника о них и—не находил. Мало того, я жаждал услышать от выдающегося музыканта не мало раз'яснений и развитий основных принципов музыкального искусства, не мало ответов на вопросы, оставшиеся для меня неразрешенными, но не находил такого наставника.

И вот, сама судьба посылает мне одного из лучших воображаемых мною наставников! От Чайковского я мечтал услышать подтверждение правильности сложившихся во мне идей или основательные опровержения и критику их. Будучи мало общителен, не словоохотлив, любя уединение (впоследствии на дверях моего кабинета был печатный плакат с цитатою из Цицерона: «Только в одиночестве я не чувствую себя одиноким») и избегая знакомств в «светском обществе», я решил тем не менее под разными предлогами убежать со службы дважды в неделю, чтобы сопровождать Чайковского в Муштаид и слушать от него слова откровения.

Не без волнения и тремета ожидал я его через дня два на углу Кирочной и Михайловской улиц, ища глазами вдали приближающуюся стройную фигуру и седую бородку композитора. В назначенный час он появился и мы направились ровным, довольно скорым, шагом к Муштаиду. Мне хотелось немедленно приступить к интервью, но в то же время мне казалось это неудобным. Вероятно, принимая мое молчание за смущение, Чайковский заговорил об особенностях уличной жизни близъ бань, в древней части города, которые ему нравились своею оригинальностью, экзотичностью.

— А не приходилось ли вам,—спросил я,—слушать зурну или сазандар,—музыку этих азиатов, наводняющих банный окоюток?

— О, нет! Я избегаю ее, я не выношу азиатской музыки. В ней встречается не мало оригинального, но в общем

она мне противна; от нее у меня начинаются судороги, нервные подергивания, особенно в лицевых мускулах.. А как у вас идут симфонические концерты? Помню, я был на одном, прошедшем при пустом зале. А публика здесь, кажется, любит серьезную музыку.

— Да, симфонические концерты у нас не прививаются; редко бывает зал полон; видимо, еще публика не доросла.

— Надо приучать ее, приманивать хотя бы приглашением знаменитых пианистов, певцов для участия... Постепенно можно привлечь публику, внушить интерес к этим концертам. Ведь это явление повторялось всюду, да и теперь не мало концертов проходит всюду, при зале на половину пустом.

Я стал расспрашивать Чайковского о концертах его в Европе, но он отвечал как-то не охотно, с некоторым волнением в голосе вспоминая свои выступления.

— Кажется,—сказал он,—я никогда не привыкну к появлению на эстраде. Сколько мучений я переношу перед каждым выходом! Как я скверно чувствую себя во все продолжение концерта и какой упадок сил, какое изнурение появляется потом!.. Где вы читали об этих концертах?

— В «Музыкальном Обзоре».

Мой маневр, казалось, был близок к цели. Упомянув о концертах, не трудно было перейти к отзывам критики, а затем к интересовавшим меня «проклятым вопросам» музыкальной эстетики, хотя некоторые обстоятельства являлись опасными подводными рифами на избранном мною пути. Уже упоминание журнала «Муз. Об.», видимо, не понравилось композитору, потому что журналом руководил Ц. А. Кюн, часто отзывавшийся о Чайковском недоброжелательно. Затем мне было известно, что заграничная критика, в особенности—венская, во главе которой стоял Эд. Ханслик, тоже относилась к нему почти враждебно. Однако, я задумал быстро обойти рифы. В это время мы уже были в саду;

Чайковский направился к Куре и, усевшись на скамейку, стал восторгаться видом противоположного высокого и отвесного скалистого берега. Лишь только мы пустились в обратный путь, я возобновил прерванный разговор о заграничной поездке композитора.

— Я читал, что всюду публика прекрасно принимала вас, но в отзывах прессы были разногласия. Меня очень интересует одно обстоятельство: существуют ли в европейской музыкальной критике какие-либо общие принципы эстетики? Например, признает ли она идеи Ханслика?...

— О, этот чешский... пишет только глупости! — перебил меня Чайковский и как-то мрачно смолк.

Меня точно обухом хватили по голове. Я был ошеломлен.

Разговор не клеился. Мы расстались около немецкой церкви, ни словом не упомянув о будущей встрече.

Отзыв Чайковского несколько не умалил Ханслика в моих глазах, но вырыл между мною и композитором такую пропасть, через которую я не находил способа сообщаться с Чайковским.

А все же меня еще тянуло к нему. Я тогда еще не ощущал тщеславного самодовольства от общения со знаменитостью, как это бывало со мною впоследствии, когда я искал случая познакомиться, побеседовать с некоторыми знаменитыми композиторами и писателями, у которых выпрашивал портреты с автографом. Мне тяжело было расстаться с моей иллюзией, я все еще надеялся найти в Чайковском хоть смутное подтверждение правильности своих мыслей. Да и не деликатно было бы с моей стороны не явиться вновь на rendez-vous¹⁾ и так грубо, глупо оборвать свои сношения.

О второй прогулке нашей помню только, что нашел не-

¹⁾ Свидание. Р е д.

обходным еще раз провести около получаса со знаменитым композитором, что я готовился к этой прогулке, придумал ряд вопросов об отношении композитора к Вагнеру, к «Могучей Кучке» (Балакирев и К^о), к организации и уставу наших консерваторий и т. п. О предстоявшем концерте с моим дирижерством я не решался упоминать: мне было стыдно, неловко, да и он, кажется, ни разу не спрашивал о нем. Не упомянул я также о недавно вышедшей в печати моей брошюре о Бетховене, хотя эти две темы были для меня тогда наиболее «актуальны».

Опять я сбежал со службы, опять встретился с Чайковским, но холодный, сухой тон композитора парализовал все мои заготовленные вопросы и, заметив молчаливость его, я стал рассказывать всякую всячину из истории Тифлиса: кое-что из истории сада Мухитанд, о прошлом Михайловской улицы или «Немецкой Колонки» и т. п. Чайковский, видимо, охотно слушал мою болтовню, но лишь только я пытался перейти к беседе на музыкальные темы, выражение лица его становилось сумрачным и он отвечал такими отрывистыми фразами, точно хотел отвязаться от назойливого спутника.

В третий раз я уже не искал встречи с Чайковским. Он уехал из Тифлиса за пять дней до Гончаровского концерта.

К этому же году относится эпизод с работой Городенского, характеризующий отношение Чайковского к «музыкальному философствованию», еще ярче выступающее в его многочисленных письмах, дневниках и газетных рецензиях, вышедших впоследствии в печати отдельными сборниками.

С 1895 года я стал все реже печатать музыку, рецензии, передав эту работу одному из лучших тифлиских дилетантов, Нв. Ник. Городенскому, скрипачу-любителю и преподавателю логики. Редактор газеты «Кавказ», Юр. Ник. Милютин, согласился на такое замещение с тем условием, чтобы рукописи нового рецензента предварительно просматривались мною. Тогда же Городенский подарил мне свою

книжку «Об основных тоновых модуляциях применительно к выразительному чтению». Работа эта, кажется, вошла в очередной сборник научных трудов кавказских учителей, ежегодно печатавшийся Кавк. Учебн. Округом и, вместе с тем, вышла отдельным оттиском (1899 г.). При этом Городенский показал мне (не помню) рукопись или печатный оттиск с 3—4 десятками замечаний на полях.

— Я носил,—объяснил мне автор,—работу эту Чайковскому и вот его заметки, в общем не одобрительного содержания. Меня удивило его несколько саркастическое отношение к моей задаче. Ничем он не проявил ни поощрения, ни одобрения.

Тогда же все эти заметки я переписал в мой экземпляр на соответственные места и набросал свои комментарии к ним на отдельном листе. Работу Городенского я считал плодом долгого, вдумчивого, добросовестного наблюдения и изучения, а заметки Чайковского обнаруживали какое-то враждебное отношение к анализу интонаций, к научным выводам, связанным с музыкальными элементами, к тому, что музыканты *en bloc* называют «философствованием».

К великому сожалению, мой экземпляр с переписанными заметками не сохранился и судьба экземпляра с автографными заметками Чайковского мне неизвестна.

Судя по приводимому ниже письму к Ип.-Иванову, последний просил Чайковского дирижировать одним концертом в Тифлисе и получил согласие, но, видимо, обстоятельства складывались неблагоприятно и концерт этот состоялся только осенью 1890 года.

К М. Ипполитову-Иванову.

27 октября 1888 года.

Дорогой М. М., письма вашего, написанного тотчас по получении моих черновых, я не получал. Мне невозможно

ответить вам что-либо относительно моего приезда в Тифлис. Только недели через две или три я буду знать, когда состоятся мои поездки за границу. Само собой, что мой Тифлисский концерт должен состояться до окончания оперного сезона или же вовсе не состояться. Так или иначе, но знаю только одно: смертельно хочется в Тифлис. Об гонораре разговаривать не будем, ибо, прежде чем содрать с вас «что-либо», нужно, чтобы это «что-либо» было. Следовательно, если концерт состоится, то увидим будет сбор или нет и, смотря по этому, решим, сколько вы мне дадите на чай. Не будет хорошего сбора, то, конечно, ничего не возьму.

1889 г.

Приехал Чайковский из Парижа через Константинополь в Тифлис 12 апреля и остался здесь только 18 дней. В дневнике имеются краткие записи; газетные сведения о пребывании его в Тифлисе, по обыкновению, скудны и только в одном письме его приведены впечатления композитора.

ИЗ ДНЕВНИКА № 9

Апрель 11/23. Рано утром Трапезунд. Вышли в 9-м часу. Актер француз. Последний завтрак, укладка, раздача денег, ожидание. Батум. Довольно долго не пускали с парохода. Hôtel Impérial. Все грязно и скверный обед. В кафе на берегу против пароходов. Гуляние. Чай и рано спать.

Апрель 12/24. Выезд. Услужливый швейцар. В отделении то один, то с французом издателем газеты и гувернанткой. Снял. Рионская долина. После спуска спал почти до самого Тифлиса. Встретили наши. Дождь. Дома ужин и беседа. Симпатичный Арсентий.

Апрель 13 25. Быков у нас. У Ивановых. Их приемщица — прелесть. Завтрак дома. (Вырубов). Милая Алиса. Погулял. Чай в детской. Обед. Вит с Вырубовым и Бароном.

Апрель 14/26. Ходил в Мунтани. Немного нездоровилось. Читал газеты. Под впечатлением очень неприятного письма от Модеста. Завтрак дома. Спал дома. Писал письма. Обед дома (без Коли, который потом явился с Карпови-

чем, оба пьяные). Я с Кокодесом в Кружок (наши в оперетке). Винт с Вас. Вас. и М. М. Ивановым. Наши. М-ме Карнович. Ужин.

Апрель 15/27. В 11 $\frac{1}{2}$ после небольшой прогулки с Ивановым. Мне дали позавтракать. А з р а Мих. Мих. Прогулка. Дома. Обед у Быковых. Пьянство. Вишневы. Вечер у Ивановых. Я в винт с ними и его 2-мя завсегдатаями.

Апрель 16/28. Литургия в Сионском. Служил экзарх. Завтрак дома. На зкте в женск. гимназии. Володя Аргутинский. Визит его родителям с Толей. Дома. Чай на балконе. Вырубов, Барон. Игра в волан. В Муштанде. Обед дома. Винт в 2 стола. Комизм Пани в винте. Плохой ужин и я сердился (не за себя, впрочем).

Апрель 17/29. Прогулка в гору, в сторону Коджор. Припадок панического страха. Завтрак дома. С ней, с Татей и Alice на выставку рукоделий во дворец Шереметьева. Мирский и т. д. Дома. Спал. С Толей на балконе. Обед дома с Гаккелем. На спектакле любителей в Арт. Кружке. «Гений хранитель». Les Charbonniers. Monologue M-r Lassale. Я с Паней и Толей домой. Кокодес. Штейнбах в Вазе.

Апрель 18/30. Совершил прелестную прогулку в горы в сторону Коджор. При под'еме по тропинке страх. Назад по шоссе. После завтрака занимался (балет). Дурная погода. С Кокодесом за закусками. У М-ме Lauth. Обед втроем. Тата нездорова. Концерт Сараджева. Отсутствие публики. Отмена. В театре с В. М. Зарудной и т. д. Тоже пусто. Lili Ужин в Арт. Кр. Степан. Лодий.

Апрель 19/1. Как то не по себе с утра. Прогулка вдоль стены. (Серая погода). Домой. Завтрак. Спал. С визитами с Паней. У Шеремет. не застал и у Андрониксовых. Ее сестра. Кн. Бяратинский. К Челокаевым, а я домой. Занимался. Тата нездорова. Обед. Винт. Позже Святополк-

Мирский. Кавказский календарь. Ужин. Святополк-красивый и интересный старик. Паня. Пьянствовал.

Апрель 20/2. С утра чувствовал какую-то тяжесть, неловкость, почти лихорадку. Вероятно, серая, скверная погода. Вставши и напившись чаю (Кокодес рано вставший, конечно, чтобы получить, что ему нужно), пошел погулять и в Алекс. саду газеты читал. Дома. К. завтраку М. М. Ип.-Иванов. Неохотно в 4 руки играл. Вырубов. Немножко после ухода дремал, а потом работал. С Кокодесом под дождем прогулка. Зашли в балаган. Девуцы (электрическая и другая). Обед дома. Гаккель, Вырубов, Барон. Тата все нездорова. Винт в 2 стола. Иванов обиделся на Кокодеса. Passe. Неожиданно Мезенцев.

Апрель 21/3. Ходил по утрам купить газеты и читал их в Алекс. саду. Пошел гулять налево, по неизвестной улице, близ Курь, попал на старое кладбище и насилу выбрался на Головинский. Завтрак дома. Сидел дома в бездействии. С Кокодесом прощались, и на обед к Барону Майделю. Обед. Паня сделала страшную сцену Кокодесу. Винт. Дома.

Апрель 22/4. Прогулка. После завтрака с Паней и Вырубовым в Муштан, в червоводню. Учтивый директор. Гроза. Дома. Праздность. После обеда я с Толей на концерт Терьян. Оттуда в театр. Фауст наизналку Скука. Чай дома втроем. Дождь.

Апрель 23/5. Обедня у св. Георгия от 10 до часу. Жара. Крестный ход. Дома. Ранний обед. На балконе. Быков (с коим я накануне на ты выпил у Барона). Спал. Магнетизм Паниных глаз. Неудачное желание одиночества. Нагуляны. Паня продавала. Скука. Миша Быков и Володя Аргутинский. Концерт Сараджева в Муз. Уч. Я с Кокодесом. Ужин в Лондоне. Мезенцев—тулумбаш.

Апрель 24/6. С утра не в духе. Прогулка и чтение газет. Дома. Официальный визит старшин Арт. Обш. С Па-

ней к больному Карганову. У Гончаровых. Толпа. Полк. Вестман и разговоры про музыку. Удрал домой пешком. Стригся. Ожидание наших. Беседа с Алисой. В 7¼ сел обедать один. Вырубов. Я у Варв. Мих. Дома. Наших все нет. Сейчас спать лягу (10¼ часов).

Апрель 25/7. 49 лет. Поздравления. Деша от Васи. Прогулка. Завтрак. Коля Пересл. со мной визиты и закупки. В Муштаиде. Лордкипанидзе. Дома. Винт на балконе. Володя Аргутинский. Автографы. Гости. В 7 часов мой большой обед. Было весело. Опочинин представлял пианистов. Литерат. разговоры. Рано спать.

Апрель 26/8. Очень не в духе вследствие мелочных обстоятельств. В Муштаид пешком. Газеты. Дома. Завтрак заставил себя ждать. У Гончарова в палатах. Дома. Вырубов. Чай. Письма с ужасным трудом. С Паней на балконе. К обеду Толя и Мезенцев с охоты вернулись. Барон. Квартетный вечер. (Гайдн, Григ, Волга). Дома. Винт. Толя сердился на Паню за ее эгоизм.

Апрель 27/9. После чая прогулка (газеты в Ал. саду) на ту сторону за Метехский замок. Устал. Тошнота. Толя с охоты. После обеда я с Кокодесом в Муштаид. В Диду-бе встретил Толю. Он с охоты. Дома. Винт и ужин у Хатагова. Пьяный Гаккель.

Апрель 28/10. Обычная прогулка. Завтракал у нас Гончаров. Толя обедал у кн. Донд. Вечером у нас гости. Винт. Ужин дома.

Апрель 29/11. Прогулка. Газеты. Дома. С Паней с винтами к Шатиловым и Извольским. Я домой. Обед у Гончаровых. На вышке у них. Философ-Быков. Поздно домой.

Апрель 30/12. Ждал Вол. Аргутинского. В арм. церкви. В Ал. саду. У Ип.-Иванова, В. М. пела мои романсы. Дома. Кофе. Торжество в Арт. Общ. Речь Опочинина и т. д. Обед в А<О>ртачалах. Очень весело. Речь. Пьянство. Сти-

Обел, даний в честь Чайковского в Ортачалах (Тифлис) 1889 г.

хи Опочинина. Винт. Опять речи. Ужин в Лондоне. Я очень много пил.

Май 1/13. То ли н о рождение. Пошел гулять, проголодался и завтракал один в Лондоне. Дома. Рассуждения между мной, Толей, Паней и Вырубовым о вечере. Обед у кн. Донд.-Корс. Кавелли. Пенне. У нас винт на балк, ужин. Укладка. Пенне казаков.

Май 2/14. Выезд из Тифлиса. Белый духан. Провожание. Фотография. Кн. Андр. Уехал. Томился дорогой. Млет в 8¹/₂. Пустили почевать в царские комнаты. Спал с лихорад. снами.

Май 3/15. Выезд из Млет в 6 час. Дама у меня в коляске между Коби и Гудауром, В 3 ч. Владикавказ Большой №, бывший Сорокоумовского. Прогулка. Обед. Сафонов. Не отбоярился. У него в комнате пьянство. Славный старичек.

П И С Ь М О

К Н. Ф. фон-Мекк.

Тифлис. 20 апреля 1889 г

Что за чудная страна этот Кавказ! Нельзя описать, например, до чего роскошна, красива, богата растительностью Рионская долина, по которой идет железная дорога сюда из Батума. Представьте себе, дорогая моя, широкую долину, окаймленную с двух сторон причудливой формы горами и скалами, на которых растут рододендроны и другие весенние цветы, а в самой долине деревья с яркой, свежей зеленью листьев и, наконец, многоводный, шумный, извилистый Рион. Уверяю вас, что ради этого одного стоит посетить Кавказ. В Тифлисе тоже теперь чудесно: все фруктовые деревья в цвету; благодаря ясной погоде, виднеются дальние снежные вершины, и в воздухе что-то весеннее, живительное и благоуханное. После лондонских туманов.

оставивших во мне воспоминание какого-то тяжелого кошмара, все это до того прекрасно, что нет слов выразить.

Тем не менее, я не могу сказать, чтобы особенно хорошо себя чувствовал. Какая-то усталость, апатия, неопределенная тоска часто нападают на меня. Работать нет ни малейшей охоты, даже читать как то мало хочется. Думаю, что это результат трехмесячного напряжения всех сил, и надеюсь, что, когда вернусь домой и начну жить тихой, правильной деревенской жизнью,—все это бесследно пройдет.

Г А З Е Т Ы

«Кавказ» в № 96, от 14 апреля, сообщил, что «В среду, 12 апреля, прибыл из Батума П. И. Чайковский».

В № 111 (29 апреля): «В воскресенье, 30 апреля, в 1 ч. дня в Артистическом Обществе состоится музыкальное утро в честь новоизбранного почетного члена Арт. Общества П. И. Чайковского из его произведений. Потом состоится обед в саду Харазова. Участвуют только члены Арт. Общества, несколько лиц близких П. И. Чайковскому и артисты, участвующие в концерте».

В № 114 (2 мая) была помещена программа произведений, исполненных в этом концерте: «Фортепианное трио» — исп. Беттинг, Горский, Сараджев, Ариозо из 4-го акта [оп.] «Чародейка» — исп. Лодий. Серенада Дон Жуана — исп. Рябинин. «Ни слова, о, друг мой», «Я тебе ничего не скажу» — исп. Зарудная. «*Sérénade mélancolique*» — исп. Горский.

Затем следовало краткое описание обеда в Орташ-лах и приведены стихи — тост Опочинина.

«Новое Обозрение» (№ 1845): «Завтра, 30 апр. состоится обед в честь П. И. Чайковского».

«Тифлисский Листок» в № 98 сообщал о концерте и обеде, на котором толумбашем был В. Карнович.

В № 100 сообщалось о том, что 2 мая П. И. Чайков-

ский выехал по Военно-Грузинской дороге и что многие знакомые провожали его на фаэтонах далеко за город.

[ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА]

С П. И. Чайковским в последний раз я встретился на концерте и на обеде (по подписке), следовавшем за концертом.

Тифлисское Артистическое Общество (иногда ошибочно именовавшееся Муз. Кружком), созданное меценатом-рыбопромышленником Ис. Ег. Питоевым, ютившееся сначала (около 1885 г.) в его квартире, на углу улица Паскевича и Лермонтова, вмещавшей не более 100 человек, потом в верхнем этаже дома Кайтмазова (потом Тамамшева, потом Рохлина, рядом с домом Питоева), зал которого вмещал до 400 человек,—организовало в этом зале, в теплое весеннее утро, концерт в честь композитора из его произведений. В. М. Зарудная бесподобно спела несколько элегических романсов, точно созданных для ее манеры пения. Горский и Сараджев гладко сыграли прелестное трио, в котором фортепианную партию старательно провел Людв. Изв. Беттинг (тоже преподаватель Муз. Училища, а впоследствии—профессор Моск. Консерватории). В середине первого ряда посадили виновника торжества, к которому Опочинин пред концертом обратился с приветственной речью.

После этой ма'н'с-компания, человек сорок, поехала на фаэтонах в один из загородных садов, в Ортачали, где оставалась до сумерок. За длинным столом, уставленным под деревьями, вся эта компания разместилась по своим музыкальным и общественным рангам, во главе с Чайковским и Зарудной. Тосты провозглашал (тулумбаш) Карнович, а Опочинин прочел приводимое ниже стихотворение свое, очень понравившееся композитору.

Прекрасен шум стозвучный моря,
Прекрасен леса дивный шум.
В них лепет ласки, вопли горя,
Мечты любви, тревога дум
Слились в одной волшебной песне;
Но во сто раз еще прелестней,
Еще волшебней силой чар
То море звуков, лес гармоний,
Что в ряде опер и симфоний
Твой славный гений дал нам в дар.
То грозной бурей поражая,
То тихой песнью слух лаская,
В них перед нами чередой
Проходит все: Полтавский бой,
Марии страсть, любовь Андрея,
Проклятия старца Кочубея,
Мазепы слава и позор,
Народа вопли и задор,
И пушек гром, и кровь сражений,
«Деревня, где скучал Евгений»,
И с Ленским грустная дуэль.
Мечты, волнения бедной Тани,
Простой рассказ любимой няни,
И в поле пастуха свирель,
И мщенья полные напевы
Великой Орлеанской девы,
Красавиц спящих дивный ряд,
В руках у мстительной злодейки
Ужасный, страшный, тайный яд,
И смерть несчастной Чародейки...
И сын, измученный в конец,
И проклинаящий отец,
И скоморохов танец пьяный,
И прелесть гордая Оксаны,

Что обольщала молодца,
И беса хитрые обманы,
И страсть Вакулы-кузнеца,
Опричника лихая драма
И сила грозного царя..
Виденья, «Пиковая дама»
И полная чудес заря,
Наполеона марш мятежный,
Что раздавался под Москвой,
И строй молитвы мощно-нежный,
Молитвы русской и святой,
Что силу вражью отражала
И нам победу даровала..
Увы, всего не перечесть!
Так воздадим же славу, честь
Тому избраннику отчизны,
Который много в дар ей дал
И в звуках всю поэму жизни
Пред нами дивно начертал.

По окончании чтения этого стихотворения тулумбаш объявил тост за здоровье талантливое автора, сумевшего в стихах составить такой остроумный экспромт.

— Да-а,—отвечал Опочинин, по обыкновению, заикаясь. — мой «экспромт» вы находите уда-а-ачным; не даром, значит, я просидел над ним два ве-е-чера...

Взрыв хохота сопровождал это признание автора. Один из главных деятелей юного Артистического Общества, инженер путей сообщения, скрипач-дилетант, кн. Иос. Зах. Андроников «увечковечил» красный угол обеденного стола своим фотографическим аппаратом; снимок, подаренный им мне, находится в числе сотен портретов, групп и картин, подаренных мною Тифлисской Консерватории. Другой снимок был сделан им же после обеда с группы всех участни-

Групповой снимок участвующих на обеде. данный в честь Чайковского в Српцнаде.
(Тифлис). 1889 г.

ков обеда, расположившихся перед домом с колоннами в том же саду.

П. И. Чайковский

Как подобает на подобных пикниках, винованика торжества окружали почти все время дамы и заседатели «красного» угла за обеденным столом; произносилось не мало речей и тостов; болтовня шла также подобающая обста-

Прогон Чайковского в Тифлисе. 1859 г.

Проводы Чайковского в Тифлисе. 1889 г. „В Белом Духане“.

новке; было выпито не мало кахетинского вина, от которого лицо композитора покраснело, а глаза виолончелиста Сараджева стали блуждать и ноги заметно пошатывались. Некоторые из присутствовавших подносили Чайковскому листочки бумаги, другие, более предусмотрительные, — его фотографические портреты, а Сараджев — свою белую фуражку, с просьбой получить на них автограф карандашом.

Окружающая зелень, идиллический скрип деревянных колес водокачек на берегу Куры, издали глухо доносившийся городской шум и свистки паровозов, оживленная беседа, несколько приподнятое и возбужденное настроение интересного общества, в центре которого красовался стройный, представительный, седовласый (хотя только пятидесятилетний) композитор с одухотворенным, выразительным лицом, все это складывалось в красивую не только пространственную, но также в звуковую перспективу...

При отъезде П. И. Чайковского, 2 мая, многие провожали его до «Белого Духана», что на 6-ой версте от Тифлиса, где кн. И. З. Андроников сделал несколько снимков, принесенных им в дар (в 1928 г.) Тифлисскому «Театральному Музею».

1890 г.

За период последнего пребывания Чайковского сохранилось несколько интересных писем его, но, к сожалению, не сохранился дневник, если таковой существовал. Газеты отводили больше, чем прежде, места композитору, отчасти благодаря присутствию словоохотливого Алекс. Валентиновича Амфитеатрова, который, после нескольких неудачных выступлений в опере (Онегин, Демон и др.), стал рецензентом, публицистом, беллетристом и поэтом, наводняя газету «Нов. Обозрение» множеством статей, подписанных разными псевдонимами (Амфи, Сюрприз, S. F., Old Gentleman и др.). Чайковский приехал в Тифлис 10 сентября, о чем газеты ничего не сообщили, и остался до 22 октября. Еще до приезда своего, живя под Москвою, в селе Фроловском, композитор предвкушал прелести кавказской осени.

П И С Ь М А

К Ип.-Иванову.

5 мая 1890 года.

Смерть Евгения <Генария> Карганова меня очень, очень печалила. Эта курносая гадина возмутительно гадка вообще, но когда она поражает человека во цвете сил—я ее особенно ненавижу. Верю, что на тебя смерть Генички должна была действовать особенно тяжело. Ты потерял в нем очень верного и преданного друга... Планы мои следующие: кончить оперу <«Пиковую даму»>, написать

вчерне секстет для струнных и в конце лета отправиться сначала к сестре, а потом на всю осень к вам, в Тифлис. Если останусь жив и здоров, план этот будет наверно приведен в исполнение.

К Ип.-Иванову.

4 июня 1890 года.

...Мы будем по многу беседовать в Тифлисе. Трудно выразить до чего я душою стремлюсь в Тифлис. Даже мне самому странно, на чем основана моя совершенно исключительная симпатия к этому городу.

К М. Чайковскому.

Тифлис. 15 сентября 1890 года.

Обстановка нашей жизни прекрасная; совсем особенная маленькая квартирка, снабженная всем нужным, даже—собственной чайной посудой. Время проходит незаметно. Я пытаюсь по утрам работать,—но очень мешают и вряд ли из этих попыток что-нибудь выйдет. До сих пор ни у кого не был, но с сегодняшнего дня начинается светская жизнь, а именно, парадным обедом у персидского консула. Часто бываем в опере, где у меня почетное место. Есть несколько певцов с прекрасными голосами; особенно мне нравится тенор, некто Кошиц, которого я непременно буду рекомендовать! После театра бываем в Кружке, который еще на летнем положении, что я очень люблю.

К В. Э. Направнику.

20 сентября 1890 года.

Наслаждаюсь теперь праздностью и чудным «бабьим» летом Тифлиса. Часто бываю в опере, которая здесь в отношении ансамбля в нынешнем сезоне плоховата. Скажи папе, что в Тифлисской труппе есть тенор Кошиц, на которого Петербургу следует обратить внимание. У него большой,

весьма красивый голос и внешность очень сценическая. Хороши также баритон Соколов и бас Городецкий. Я их рекомендую очень усердно Дирекции.

Пробуду в Тифлисе еще около месяца и в конце октября буду иметь удовольствие обнять тебя.

К П. И. Юргенсону.

28 сентября 1890 года.

Я сочиняю здесь симфоническую поэму. Пролей несколько слез!

К А. П. Мерклинг.

28 сентября 1890 года.

Голубушка Аня, как всегда, виноват перед тобой. Давно уже получил твое письмо и вот уже почти две недели собираюсь отвечать. Представь себе, что здесь я еще менее нахожу времени для писем. Причина та, что утром занимаюсь, а от 12 часов до глубокой ночи веду рассеянную и кутильную жизнь. Погода стоит чудная, люди здесь премилые. Все мои здесь процветают, всяких веселостей здесь очень много и, представь, несмотря на все это, я в тайне души предаюсь довольно черной меланхолии.

У меня есть задатки ипохондрии, и я боюсь, что они когда-нибудь разовьются во что-нибудь скверное. Чего мне печалиться? Настоящее хорошо, в будущем предстоит постановка оперы <«Пик. дамы»>, которой я горжусь, вообще, все обстоит благополучно,—а я чем-то недоволен, предаюсь тайной, но мучительной мерлихлюндии, тоскую... Почему это? Ей богу, не понимаю. Впрочем, вероятнее всего, что это мой скверный желудок и что я здесь слишком много ем и пью. Все это между нами, а то ведь мои братья сейчас начнут беспокоиться обо мне.

К П. И. Юргенсону.

14 октября.

Я дирижирую здесь, 20-го, симфоническим концертом.

К А. П. Мерклинг.

16 октября 1890 г.

Милая Аня, твои ежедневные письма доставляют мне много удовольствия и, право, трудно выразить какая ты милая. Однако, теперь прекрати твои «*Tägliche Uebungen*», ибо я скоро уезжаю. Завтра у меня первая репетиция большого симфонического концерта, через два дня еще одна, 20-го концерт, а 22-го я уезжаю... Смешно читать в письмах и газетах про вашу северную осень. Здесь солнце не сходит с горизонта, тепло, как у нас в июне, и невыразимо хорошо, ибо всего этого в меру. Солнце не печет, а только греет; ветру никакого, в Мунтанде лист начинает падать, но от этого еще приятнее, ибо я люблю аромат павшего листа. Третьего дня мы ездили за город обедать. Обедали, конечно, на чистом воздухе и что эта была за прелесть!

Мерлихлюндия, о которой я тебе писал, у меня совершенно прошла. Не от того ли она была, что я тогда задумывал новое сочинение и это быть может были «*les douleurs de l'enfentement*¹⁾»???

Г А З Е Т Ы

«Кавказ» в № 274 (17 октября) сообщает, что недавно «Евг. Онегин» шел в присутствии автора.

В № 276 (19 окт.): «В субботу, 20 окт., после симфонического концерта под управлением П. И. Чайковского, состоится ужин в Арт. Обществе в честь знаменитого маэстро. Примут участие почти все музыкальные силы Тифлиса и масса друзей и поклонников».

¹⁾ Боли при родах. Р е д

В № 280 (23 окт.) помещена большая статья с описанием концерта и ужина. Сначала приведена характеристика композитора, составленная по монографии Баскина или, вернее, переписанная из этой книжки. Весь вечер был бесконечной овацией автору-дирижеру, выступившему в том жалком сарайчике, который временно (более 20 лет!) был «Тифлисским театром», где выступали Савина и Южин, Павловская и Лодий, юный Шаляпин и стареющий Прянишников, молодые Тартаков и Яковлев, наконец,—стареющие А. Рубинштейн и Чайковский... Театр был полон. Композитора встретили аплодисментами, подношениями венков; «Тифлисский Музыкальный Кружок», просуществовавший потом недолго, ютившийся в уже разваливавшемся «Дворце Аршакуни», где были первые выступления ученика—Шаляпина, поднес композитору диплом на звание почетного члена; этот Муз. Кружок был основан любителями, в подавляющем большинстве довольно слабыми. Ис. Пютеев поднес Чайковскому дирижерскую палочку из слоновой кости, которой композитор затем дирижировал весь вечер. В числе венков был один от персонала французской оперетки, гастролировавшей тогда в Тифлисе; возил эту посредственную труппу французский еврей Лассаль, жена которого являлась, кажется, единственным интересным персонажем труппы. М. Чайковский допустил грубую ошибку, назвав (т. III, стр. 407) эту труппу «опереткой» и приняв антрепренера за «знаменитейшего баритона Большой Оперы в Париже,—Лассалья».

Программа концерта состояла из следующих произведений:

Сюита № 1 opus 43 для оркестра.

Первая часть Фортепианной сонаты,— исп. И. М. Матковский.

Ария Ленского,—исп. Кошиц (взамен заболевшего Усатов).

Серенада для струн. оркестра, opus 48.

Проезд Чаковского в Тифлис. 1899 г.

Романс и «Парафраза» Пабста на Онегина,—исп. И. М. Матковский.

«Благословляю вас, леса» и «Нет, только тот, кто знал»,—исп. Соколов.

Увертюра «1812 год».

По окончании концерта Чайковского засыпали цветами. За ужином в Арт. Общ. тулумбашем был В. В. Карнович; среди множества тостов и речей наибольшее впечатление произвел «экспромт» Опочинина («Прекрасен шум...»), написанный им два года назад.

В № 281 (24 окт.) «Кавказ» сообщал, что «Во вторник, 23 октября, П. И. Чайковский выехал по Военно-Грузинской дороге. До Мцхета его провожали многие почитатели».

«Новое Обозрение» (№ 2342, 11 окт.) дало рецензию Амфитеатрова о втором концерте А. И. Зилоти, находившегося в это время в Тифлисе; в концерте исполнялось прекрасное трио ор. 50, но Чайковский опоздал и прибыл в концерт, когда трио было уже окончено.

В № 2348 (17 окт.) тот же хлесткий рецензент разобрал исполнение оперы «Евгений Онегин» в присутствии автора.

В № 2350 (20 окт.) он же поместил многословную и водянистую статью о Чайковском.

В № 2352 (22 окт.) сообщается об овациях и подношениях в концерте, а в № 2354 (24 окт.) тот же рецензент дал большую статью о том же концерте, при чем дважды цитировал мою корреспонденцию («Муз. Обозр.», 1888 г. № 18, кое-что из беседы моей с Чайковским), назвав автора ее «образованным и талантливым диллетантом». Через год после того мне довелось познакомиться с Амфитеатровым, покидавшим Тифлис навсегда, но продолжавшим изредка печататься в «Нов. Об.», где я занял его место рецензента.

«Тифлисский Листок» (№ 233, 13 окт.) сообщил, что

«П. И. Чайковский находится в Тифлисе <уже более месяца!!> и будет дирижировать симфоническим концертом».

В № 239 (21 окт.) помещено описание чествования в концерте и упоминается о дирижерской палочке от Пигоева.

В № 241 (24 окт.) сообщается, что Чайковский подарил «Муз. Кружку» «партитуру Серенады с надписью». В том же номере помещена рецензия о симф. концерте.

* * *

Личные воспоминания мои довольно скудны. Раза два я видел Чайковского издали на улице; в симф. концерте и в концерте Зилоти я присутствовал, но ни в ужине, ни в проводах не принимал участия, потому что главными действующими лицами там были трое-четверо старшин «Арт. Об-ва», входивших в состав дирекции Муз. Общ.-ва, где я был избран кандидатом в члены дирекции и где уже проявил непримиримо-враждебное отношение к некоторым действиям большинства коллег (дирекция, согласно устава, состояла из директора Училища, Ип.-Иванова, и пяти избираемых членов). Мне доставило бы, конечно, громадное удовольствие быть вблизи знаменитого композитора, наблюдать его жесты, слушать его разговоры, но, вместе с тем, я, будучи не словоохотливым, не мог себе представить: о чем мне беседовать с ним? Роль статиста меня не соблазняла, а к «проклятым вопросам» искусства я охладел после двух, прочитанных мною, публичных лекций «о сущности музыки», которые не привлекали ни слушателей, ни внимания прессы и нашли одобрительный печатный отклик только в Амфитеатрове, да и то не трезвом... Я уже не испытывал притягательной силы знаменитого композитора под внешностью петербургского чиновника, с презрением отозвавшегося о Ханслике, которому я остался также верен, как гению Чайковского.

1891—1892 г.г.

Привожу еще несколько писем, тоже *in extenso*, за последующие годы, имеющих отношение к Кавказу.

К Ип.-Иванову.

3 июня 1891 г.

Не найдешь ли ты возможным пригласить меня дирижировать одним или двумя концертами? Ты знаешь, что я теперь сильно обеднел и поэтому очень не прочь, чтобы вы, т. е. дирекция Тиф. Отделения, предложили мне гонарар, конечно, не большой, но такой, чтобы хотя немного вознаградить издержки на путешествие. Возможна ли такая комбинация? Есть ли основание надеяться, что за уплатой мне гонорара в размере трех или четырех радужных, чтонибудь останется в вашу пользу? Разумеется, ты теперь положительного ответа дать не можешь—но имей это ввиду и осенью можно будет порешить дело. А уж как бы я был рад побывать в Тифлисе! Жаль, что оперы больше там нет. В виду большого Казенного театра, можно ли надеяться, что со временем будет опять процветать опера в Тифлисе? И вообще, как теперь поставлено дело с постройкой театра?

Вследствие временного прекращения оперных спектаклей в Тифлисе, а также неладов в дирекции Отделения Музык. Общества, Ипполитов-Иванов стал хлопотать о получении должности в Московской Консерватории. Узнав об этом, А. С. Аренский стал, в свою очередь, просить содействия Чайковского для получения должности директора

Тифл. Музык. Училища, из чего Чайковский ответил ему
следующим письмом.

К А. С. Аренискому.

7 июля 1891 г.

Тифлис город до того мне во всех отношениях симпатичный, что я могу только поощрять всякого, желающего там водвориться. Думаю, что для вашей композиторской деятельности вам было бы полезно поселиться в столь богатой всяческими художественными стимулами стране. Но, вместе с тем вижу и много неблагоприятных, для дальнейшего развития вашего богатого дарования, сторон в деятельности директора Тифлисского Отделения Муз. Общ. Во-первых, вы, если я не ошибаюсь, будете получать жалованья меньше вашего профессорского в Москве. Ипполитов-Иванов получал много, ибо он был одновременно директором и капельмейстером в упраздненной теперь опере. Это обстоятельство принудит вас взять множество классов, как, например, элементарной теории, совместной игры и проч. и тогда все время ваше уйдет на училище. Для сочинения же времени будет еще меньше, чем в Москве. Во-вторых, вам придется входить в прозаическую, деловую сторону администрации, а это будет вам очень противно, да и возьмет много времени. В-третьих, вы будете очень одиноки, как музыкант, ибо персонал преподавателей училища не богат вполне образованными и способными быть для вас опорой и поддержкой личностями. Это может дурно отразиться на состоянии вашего духа...

... Вот я и не знаю, что посоветовать вам, дорогой А. С. Скорее не советую. Будь вы обеспечены, я бы только радозался, что вы поживаете на Кавказе. Но с грустью помышляю о вас, как о провинциальном деятеле, удаленном от музыкальных центров, ... одиноком и лишенном возможности слышать хорошую музыку... А за сим, все таки скажу, что

1990

1894

Программа концерта организована Тифл. отделением Русск.
музыкального общества, по случаю смерти Чайковского.

Тифлис город очаровательный и что жить там очень приятно.

К С. И. Танцеву.

27 июля 1891 г.

В будущем году готов посвятить хоть все лето путешествию по Кавказу, который страшно привлекает меня и которого, как ты справедливо говоришь, я в сущности не знаю. Помню, что я с невыразимым интересом читал в «Вестнике Европы» <1886 г.> статью Максима Ковалевского о вашей поездке в Сванетию. Нет, милый Сергей Иванович, в нынешнее лето я решительно не могу принять соблазнительное предложение <экскурсии на Кавказ>.

К Ип.-Иванову.

16 июля 1892 г.

Я лелею мечту побывать в Тифлисе. Ты не можешь себе представить, как меня туда тянет. Весьма, весьма возможно, что в сентябре или в октябре я хоть не на долго появлюсь на берегах Куры.

* * *

Вскоре после появления в тифлисских газетах телеграммы о смерти Чайковского (ум. 25 октября 1893 г.), в № 286 «Кавказа» я поместил некролог...

Тифлисское Отделение И[мп.] Р[усск.] Муз. Общ. отдало дань памяти Чайковского, устроив симфонический концерт из его произведений, организация которого была возложена на особый комитет из трех лиц: почтенного нашего профессора пения, некогда знаменитого тенора, Ф. П. Комиссаржевского, скрипача Е. А. Колчина и меня.

Из воспоминаний последующих годов

Осенью 1902 г. В. И. Сопельников познакомил меня в Берлине с Мод. Ил. Чайковским. Последний несколько раз бывал у меня, между прочим и на музыкальном вечере, в котором пианист Дрангош, скрипач Акимов и приглашенный виолончелист сыграли чудное трио ор. 50, почти ежегодно, где бы я не жил, исполнявшееся у меня. М. И. направил меня посмотреть выставленную в магазине Keller und Reiner, около Potsdamer Brücke, новинку: статую Бетховена работы Klinger. Не раз мы сговаривались и завтракали в модном ресторане Kempinsky, заново и роскошно отделанном на Leipziger str. Здесь за беседою я узнал о причине его пребывания в Берлине.

— Вот уже месяц, как я здесь,—рассказывал он,—и, вероятно, пробуду еще столько же. Дело в том, что ни в одной другой стране не исполняются композиции моего брата так часто, как здесь, в Германии, особенно—в Берлине, а, между тем, отсутствие конвенции лишает гонорара наследников брата,—племянника, Вл. Львов. Давыдова и отчасти меня. Конечно, мы не имеем никакого законного, формального, юридического права требовать от немцев гонорара, но я задумал воздействовать морально, пригласил себе в помощь одного здешнего адвоката и веду переговоры с монопольными заправилами концертных бюро, во главе с Вольфом; хотя все они даже не немцы, а евреи, но не отвергают моих притязаний. Во Франции редко исполняются композиции брата. Colonne исполнял его, пока ему за это секретно платил M-me фон Мекк, а потом перестал. Вообще, французы

ведь избегают всего иностранного, если только оно не особенно выгодно или почему-либо не стало модною «злотою дня».

Чрез месяц М. И. сообщил мне:

— На днях я уезжаю. Я удовлетворен. Правда, процент не велик, но, тем не менее я доволен немцами: не отказали и заключили со мною письменный договор.

Накануне своего выезда он обещал провести вечер у меня, но утром прислал мне записку:

Милый Василий Давидович!

Суббота.

Я в отчаянии, но мне решительно невозможно побывать у вас сегодня. Как раз в час нашего свиданья мне надо видеться с адвокатом по поводу моего дела с Вольфом.

От души желаю вам всего хорошего и главное — увлечения и энергии в предпринимаемом труде <моя монография о Бетховене, появившаяся в 1910 году>. Мой брат Анатолий приехал вчера и останется до воскресенья вечера. Очень просит вам кланяться.

Крепко жму вашу руку. М. Чайковский.

В 1911 году я обратился из Тифлиса к М. И. Чайковскому письменно с просьбою сообщить некоторые подробности о гонораре (тантьеме), получаемой им из Европы, причем спрашивал: не согласились ли немцы платить по вложенной им корректности, на что получил следующий ответ по пунктам, соответствовавшим моим вопросам.

9 июня 1911 г. Клин.

Глубокоуважаемый Василий Давидович!

Я только третьего дня вернулся в Клин из Парижа и спешу по возможности удовлетворить ваше любопытство.

1. В Германии я получаю тантьемы потому, что половина прав на представление опер Петра Ильича принадлежит немецкому подданному Блоку (по наследству от импрессарио Поллини). В Богемии Блок прав не имеет и из Праги мне высылают деньги по «врожденной корректности».

2. Я член общества издателей и композиторов во Франции и так как там издатель фр. подданный, то тоже получаю законную мою часть. Я тоже член Общ. Драм. Писателей и Композиторов во Франции и до этого года получал тантьему на том же основании (т. е., на основании соучастия в делении тантьемы с фр. подданным Michel Delines, переводчиком либретто). В этом году мне выдать мою часть отказались, ибо общее собрание Общества постановило не выдавать таковой до заключения конвенции с Россией.

3. От установления гонорара исполнение произведений русских авторов сократиться не может, ибо по странному закону, тантьема за них все таки взыскивается, но идет в пользу фр. собратий. Так Дягилев за каждое исполнение балетов Римского-Корсакова и отрывков из опер Бородина платит авторский гонорар (по настоянию полиции), но деньги эти ни Корсаковым и ни Бородиным не выдаются, ибо они не допущены в члены Общества Др. Писателей и Композиторов.

Пользуюсь случаем передать мой сердечнейший привет Михаилу Павловичу Гаккелю и принять выражение моего искреннего уважения

М. Чайковский.

Менее дружественный тон этого письма сравнительно с берлинскою запискою можно объяснить появлением в «Русской Музыкальной Газете» (1903 г., № 11) моей рецензии (вскоре после получения записки) на биографию композитора.

В этой рецензии я писал:

«Как в частной жизни, так и в области музыкальной (оперной) деятельности великого русского композитора, ближайшим к нему лицом был брат его, известный драматург, посвятивший огромный труд собиранию, приведению в определенную систему множества письменных и печатных материалов, касающихся композитора, а так же изданию многих из них в трех томах. Высоко ценя усердие автора биографии в отношении подготовительной работы, я, тем не менее, ставлю изданную им «Жизнь П. И. Чайковского» ниже этой работы и полагаю, что название книги должно быть «Сборник материалов для биографии», да и сборник-то этот, преднамеренно не полный, составлен местами не связно. Автор многое замалчивает, недосказывает; к одним, еще здравствующим современникам относится с чрезмерной деликатностью, боясь их обидеть цитатами из писем композитора, подвергнувшихся, по этой причине, не малым сокращениям. Рядом с такою щепетильностью автор оставляет строки, могущие оскорбить десятки других, не знакомых ему, современников, пользовавшихся, быть может, несравненно большими симпатиями композитора, чем те, которым покровительствует автор...

Не могу также одобрить тех приемов, которыми пользуется автор биографии при печатании писем: он сам подчеркивает, печатает курсивом заслуживающие особого внимания изречения П. И. или комментирует последнего, заключая свои объяснения в скобки, подобные тем, которые употребляет также сам композитор. Читая такой текст, порою трудно, даже невозможно разобраться: что подчеркивает в них П. И. и что подчеркивает брат его; что заключает в скобки один и что другой? Смею напомнить почтенному автору, что в подобных случаях письма великих людей печатаются без малейших изменений или переделок, а если биографу необходимо поместить комментарии в тексте, то

последние заключаются в иного вида скобки,—прямые. За сим, не упоминая о некоторых других промахах автора, все же рекомендую каждому крайне интересный, хотя далеко не полный сборник материалов для биографии П. И. Чайковского, составленный Мод. И. Чайковским и изданный П. И. Юргенсоном. При чтении этих материалов личность великого композитора, как человека и даже как музыканта, представляется почти во всю свою натуральную величину.

В 1913 году появились в печати кое-какие «воспоминания» о последнем приезде Чайковского в Тифлис, в которых были даны ошибочные сведения, вызвавшие мои поправки в газ. «Кавказ» (1913 г. № 73, «Чайковский в Тифлисе»); привожу их *in extenso*, чтобы не повторять того, что уже рассказано в этой статье.

В № 13276 газеты «Новое Время» г. Иванов поместил фельетон, в котором писал: «Я сидел в Тифлисе в комнате, где П. И. Чайковский написал свою «Пиковую даму».—После этого появилась в № 55 газеты «Тифл. Листок» статья г-на С., в которой сказано: «Да будет известно г-ну Иванову, что Чайковский никогда в Тифлисе «Пиковой дамы» не писал. Он начал и до конца она написана им в Милане. В материалах биографии Ч., изданных братом великого композитора (Модестом), приведены те письма, которыми обменивались братья, сидевшие один в Петербурге, другой в Милане. Неудобно не знать этого такому музыкальному критику, как г. Иванов».

В материалах биографии Ч., изданных братом великого композитора (т. III, стр. 393) говорится:

«Постепенный ход создания «Пиковой дамы» можно проследить день за днем. П. И. приступил к работе 19 января 1890 г. во Флоренции... Вся опера в эскизах написана в 44 дня... Вполне окончена 8 июня».

Все письма композитора за это время посланы из Фло-

ренции, Рима и села Фроловского; о пребывании его в Милане за это время нет никаких указаний. Из этого не трудно заключить, что тифлисский критик петербургского критика также сообщил своим читателям неверные сведения... В Тифлисе Чайковский жил в доме Тебенькова (ныне г-жи Опочининой) на Консульской улице (ныне улица Жуковского), № 12, откуда он почти ежедневно ходил гулять в Муштаид. В Европе городское самоуправление давно прибило бы мраморную доску с соответствующею надписью к дому, где проживала такая знаменитость, как П. И. Чайковский, но... разве мы—европейцы?.. В Тифлисе осенью 1890 г. написана не опера «Пиковая дама», а симфоническая баллада, «Воевода» (ор. 78) на тему Пушкина (начата и окончена в сентябре); об этом упоминается в имевшемся у меня письме композитора к владельцу музыкального магазина Б. М. Мириманяну.

Милостивый Государь!

Баграт Моисеевич! Тифлис, 22 октября 1890 г.

Возвращая вам рояль фабрики Дидерихса за № 4366, коим в течении шести недель, проведенных в Тифлисе, благодаря вашей любезности, я пользовался,—считаю долгом выразить вам мою живейшую признательность.

Инструмент этот был для меня неоцененным пособием при сочинении последнего моего произведения «Воевода» (баллада для оркестра).

Примите уверение в искренней моей благодарности

П. Чайковский

В 1924 году я встретил Прасковью Владимировну Чайковскую (вдову Анатолия Ильича) в Ницце, а в 1930 г. по-

сдал ей из Эривани письмо, в котором просил сообщить комментарии к некоторым неизвестным именам, встречаемым в «Дневниках» композитора, изданных в 1929 году. Ответ ее, заключающий в себе несколько интересных сведений, привожу ниже с небольшими сокращениями:

Многоуважаемый

Василий Давидович,

26 III 1930 г.

Письмо ваше, помеченное 15/II, я получила только 18 марта, поэтому не сетуйте на меня, что до сих пор не получили ответа. Очень сожалею, что не могу вполне исполнить ваше желание, так-как многих упомянутых лиц не знаю и никогда о них не слышала... Ипполит Ильич издал дневники П. И. против желания последнего. При жизни он несколько раз говорил, что пишет дневники для себя и отнюдь не желает, чтобы после его смерти они были бы изданы. Ипполит писал мне, что хочет издать дневник брата, на что я ответила ему, что, согласно желанию покойного, этого делать не надо, но он не послушал меня. П. И. уверял, что дневники его не интересны для посторонних. Как вы знаете, Ипполит умер 21/2 года назад, но в Москве живет его дочь, которая читала с отцом дневник и, быть может, он ей говорил о лицах, которые вас интересуют; я попрошу у нее эти сведения и немедленно сообщу вам,— в этом вы можете быть уверены.

Искренно преданная вам

П. Чайковская.

„Евгений Онегин“ в Гамбурге (1892 г)

В моем архиве случайно сохранился русский, не вполне складный, перевод рецензии, помещенной в «Кельнской газете» (1892 г., 22 января, № 77) о первой постановке оперы «Евг. Онегин» в Гамбурге. Не могу припомнить: как попал ко мне тогда этот номер «*Kölnische Zeitung*». В «Биографии Чайковского» (т. III, стр. 523) помещены некоторые выдержки из этой рецензии, при чем источником указана газета «*Hamburger Nachrichten*», а автором назван «доктор Мирш». Совпадение отзывов этих со статьей «Кельнской газеты» настолько велико, что убеждает меня в идентичности статей этих двух немецких газет. Своеобразное впечатление, которое произвела опера на немецкого критика, изложенное в упомянутой рецензии и знакомое русскому читателю только по кратким выдержкам, привело меня к мысли поместить здесь эту рецензию целиком, как образец странного, иногда даже курьезного отношения к гениальному произведению Пушкина и к прелестной опере Чайковского.

«Евгений Онегин» П. Чайковского. Первое представление на немецком языке в Гамбурге 19 января 1892 года.

Как мастер симфоний и композитор многих красивых фортепианных пьес и романсов. Чайковский пользуется в Германии заслуженной славой; как автор драматической музыки он в первый раз появляется со своим «Евгением Онегиным», который уже 15 лет входит в репертуар русской оперы, а у нас принят к постановке недавно—умершим му-

зыкальным издателем Даниилом Ратером и поставлен в первый раз в Гамбурге.

Прекрасно подготовленное капельмейстером Густавом Малером представление и личное присутствие композитора упрочили произведению дружеский прием; оно очень понравилось, как и заслуживала его музыка. Неинтересная обработка текста, недраматического по содержанию, небрежное сочетание эпизодов, невозможных для музыкального выражения, долго служили препятствием к постановке этой оперы на немецких сценах. В России это произведение оценено по достоинству и Пушкинский роман «Онегин» пользуется всеобщими горячими симпатиями; но в Германии, где эта скучная и тягучая поэзия, бесформенная и разбитая на строфы по 14 рифмованных строк, мало знакома, весь интерес оперы сосредоточен на либретто и его музыкальной обработке. Последняя, как уже сказано, гораздо выше первого.

Пушкинский Онегин представляет тип обыденного лишнего существа, которое впервые вполне и политически созрело в начале нынешнего столетия. Герой романа—надутый, преждевременно пресыщенный, внутренне пустой, бесчувственный, безрассудный, элегантный прожигатель жизни; но не такой он в либретто, составленном самим композитором; кроме того, сжатый эскиз главного Пушкинского эпизода искажен, чтобы объяснить зрителю причину поступков бесхарактерного героя.

В первом акте оперы Онегин пассивен. Случай приводит его в поместье Лариных. Сумасбродная, гипер-сентиментальная Татьяна, старшая дочь хозяйки, с первой же встречи влюбляется в него до смерти и письмом сообщает ему о своей первой страсти, о страданиях и тоске мечтающей души, едва вышедшей из детского возраста; но молодой старец Дон Жуан направляет на путь истины пылающую, трепещущую, страждущую девицу своим сурово-старческим наставлением.

Второй акт проходит в попытках вызвать ревность соседа и друга своего, Ленского; это приводит к тяжелой сцене и к взаимным тяжким оскорблениям; на дуэли Ленский, жених Ольги, сестры Татьяны, убит.

В заключение Онегин, после долгих скитаний, случайно встречает в петербургском салоне Татьяну, важную, сияющую юностью и красотой светскую даму, которая забыла увлечения молодых грез и вышла за старого князя. С быстро воспламенившеюся страстью бросается он к ее ногам, но Татьяна отклоняет его домогательства. Текст обрывается восклицанием героя: «Опозорен, отвергнут; о, жестокий жребий!»

Герой не представляет интереса ни в драматическом, ни в общечеловеческом отношении и для оперы не годится. Композитор доказал это также тем, что всю свою любовь перенес на Татьяну, которая своею мечтательною натурой и вспыхивающим пламенем любви очень пригодна для музыкальной обработки. Ей принадлежат обе главные темы оперы: одна—господствующая в интродукции, и другая—глубокопрочувствованная любовная мелодия, появляющаяся в сцене письма; ей дана еще одна задушевная кантилена из монолога Онегина в III акте.

Чтоб растянуть содержание скудного сюжета на целый вечер, пришлось ввести лирические места и русские народные сцены. Композитор написал их много, но, взглянув здраво на все произведение недраматических «лирических сцен», отдельных эпизодов, не мотивированных требованиями театрального либретто, он назвал их «картинами». Он создал красивую и старательно отделанную инструментальную концертную музыку, которою наслаждается образованная русская публика, знакомая со своим Пушкиным и находящая интересную музыкальную декорацию к его поэзии. На немецкой сцене ясность изложения часто страдает от беспечности, с которою композитор переносит в музыкальный ан-

самбля то, что должно быть выражено более определенно. Получается бесцветное и бездушное драматическое действие, где отдельные партии также совершенно не соответствуют тексту. «Опера во фраке» знакома публике после «Травнаты» Верди, но Чайковский пошел дальше: он умышленно вводит реальную будничную мелочную жизнь, проявляющуюся в деревенской прозе и в городских балах первых десятилетий XIX века в России; это было бы уместно в опере, если бы она имела средства для выражения культурно-исторических явлений, но возвышенная музыка чудных мелодий сильно контрастирует с мещанским жаргоном и вульгарным разговором. В одном месте автор впадает даже в эстетическое заблуждение: как сухая ежедневная будничная жизнь, так и важная чопорность общества должны быть ясно выражены в музыке; дуэль с мучительными приготовлениями и смертным концом представляет утонченное и ненужное мучение для зрителя, тем более в опере, где сцены страдания еще сильнее действуют музыкально-глубоким сопровождением.

Музыка оперы (т.-е., отдельных сцен) рождена не из страстного и глубоко захватывающего чувства (либретто не может вдохновить и вызвать даже этого), но она красивая, теплая, старательно обработана и инструментована искусным музыкантом. Национальный элемент звучит большею частью в народных сценах и придает много красоты. По своему стилю опера в главных чертах идет по новому направлению, которое не округляет сцен в отдельные формы, но сообразуется с текстом и ходом драмы. Многочисленные народные песни и танцы преобладают в партитуре и составляют много самостоятельных обособленных музыкальных пьес. В партитуре особенно развита эпизодическая личность Ленского, поэтически вдохновенного и страстного молодого друга героя; его любовная ария в I и большая сцена во II акте принадлежат к лучшим номерам оперы. С веселыми

куплетами представлен гость-француз на балу. Драматические моменты оперы проявляются в заключительной сцене Татьяны и Онегина и в ссоре друзей,—Ленского и Онегина. Музыкально-содержательны также народные и бытовые сцены. Очень стройно звучит мечтательно-любовный дуэт двух девиц в начале I акта. Широко развиты прекрасные балльные сцены во II и III актах, в поместьи Лариной и в петербургском салоне. Судя по биссированьям, публика приняла новинку очень дружелюбно. Бывший в театре композитор и главные действующие лица, в том числе г-жа Беттаг, достойная особой похвалы в роли Татьяны, были вызваны много раз.

«Чайковский» Баскина.

В 1895 году я поместил в газете «Кавказ» (№ 13) ниже приводимый отзыв о последней музыкальной монографии петербургского критика В. С. Баскина.

Книжка Баскина «П. Чайковский» составлена преимущественно из статей, помещенных автором раньше в разных периодических изданиях; отпечатана она, как и другие труды его, чисто, опрятно, стоит 75 коп. (202 стр.) и по содержанию своему имеет несомненную ценность для публики, интересующейся автором «Онегина».

Вслед за биографическими сведениями здесь приведены краткие разборы почти всех выдающихся произведений Чайковского. Говоря об операх его, г. Баскин повторяет избитую фразу: «У Чайковского замечается неустойчивость взглядов на драматическую музыку и ее идеалы»; эта «неустойчивость» ставилась и ставится в упрек автору «Онегина»; смешение стилей итальянского и ново-германского в операх его считается его слабою стороною, с чем мы не можем согласиться. По нашему мнению, нет ничего предосудительного в осуществлении принципа: «я беру мое добро там, где

нахожу его»; композитор не обязан ограничивать и извращать свой многогранный, разносторонний гений в угоду лицам, варьирующим на разные лады слова Чацкого — «что старее, то хуже».

На стр. 91, г. Баскин говорит об одной сцене из «Мазепы»: «Таким образом, и в области характеристики композитор также раздваивается: одним он придает мотив, который их преследует, как тень, à la Вагнер, а другим — нет; и здесь нет последовательности; или следовало (!) дать их всем, следуя новейшим законам, или никому, держась старины».

Невольно является вопрос: должен ли композитор действовать по указке г. Баскина? Неподготовленный и не сведущий читатель в недоумении, — вопрос для него остается открытым. Вот для подобных случаев имеют значение книжки и статьи по эстетике, которые знакомили бы читателей с основными положениями философии искусства и тем помогали разрешению подобных вопросов.

Не можем согласиться также с упреком Чайковскому на стр. 92: «У него встречаются крайне неудобные интервалы, напр., в партии Любви попадается интервал от верхнего *so* I к нижнему *mi*».

Этот интервал децимы не представляет затруднений в пении и, вместе с тем, бывает очень эффектен и выразителен, как, напр., у Глинки в партии Вани при словах «Собирайтесь в путь...»

В отделах книжки г. Баскина о симфонических и других произведениях Чайковского много остроумного, нового, интересного; написана она легким литературным языком, читается с удовольствием. Побольше бы нам таких книжек.

ПРИМЕЧАНИЯ

А.т

А.т

Ан

Ан

Бн

Бн

Бн

Вн

Вн

Гн

Гн

Дн

Ен

Жн

[Комментарии к дневнику и письмам за 1886 г.]

Алеша—Алексей Софронов, молодой слуга композитора.

Алиханов—Конст. Мих., вице-председ. Тифл. Отд. Имп. Рус. Музык. Общества.

Андроников—Петр Захар., кн., инженер, скрипач, фотограф, член дирекции Музык. Об-ва.

Андреев—Валер. Алекс., прокурор Суд. Палаты.

Бичурнина 2-ая—оперная артистка, сестра известной примадонны Мариинского театра, тифл. уроженка.

Барби—Алиса, известная концертная певица.

Быков—Федор Александр., председ. Окр. Суда.

«Ваза»—загородный сад.

Вериновский—Ив. Алекс., поручик 1-го Кавк. Саперн. Бага-лиона, застрелился, не выдержав экзамена в Ака-демию.

Горский—Конст. Кирилл., скрипач, преподаватель в Тифл. Муз. Училище.

Гакель—Гаккель, Мих. Павл., впоследствии председ. Закавказ. Ценз. Комитета.

Гончаров—Серг. Серг., гофмейстер, председ. Суд. Палаты, племянник жены Пившкова.

Дондуков-Корсаков—Ал. Мих., кн., Главноначальствующий на Кавказе.

Зарудная—Варв. Мих., жена Ип.-Иванова, оперная артистка и преподавательница в Тифл. Музык. Училище.

Иванов—Ипполитов-Иванов, Мих. Мих., композитор, автор

- опер «Руфь», «Азра», «Измена», директор Тифл. Муз. Училища.
- Карганов—Корганов, Генарий Осип. (он-же Геничка и Евгений), пианист, композитор, преподав. в Тифл. Муз. Уч. (См. мою книжку «Кавказская музыка», 2-е изд.).
- Карнович—Валериан Владимир., член Суд. Палаты, правовед.
- Книна—Леонид Фед., пианист.
- Лодий—Петр Андр., известный тенор, преподав. Тифл. Муз. Уч.
- Мекк—Надежда Филаретовна фон Мекк, жена богатого инженера, посылавшая композитору ежемесячно по 500 р. в течение многих лет и избегавшая с ним знакомства и встречи.
- «Муштаид»—сад на окраине города.
- Орловский—Валериан Конст., впоследствии член Суд. Палаты.
- Павловская—Эмилия Карл., известная оперная артистка Тифл., потом Мариинского театра.
- Переслени—Никол. Вадимович (он же—Коля, Коко и Кокос), родственник Чайковских, секретарь, а впоследствии член Суд. Палаты.
- Питоев—Ис. Ег., рыбопромышленник, меценат, председ. Тифл. Отд. И. Р. Музык. Об-ва. Брат его, Ив. Ег., режиссер и антрепренер (а не директор).
- Пузанов—Алекс. Мих., оперный артист (Волгин).
- Редновы—Ряднов, Евг. Карл., и первая жена его,—Джубелини, оперные артисты.
- Рогге—Влад. Петр., тифл. губернатор, директор театра.
- Рябинин—Герас. Ив., главн. бухгалтер Закавказск. жел. дороги, любитель-певец.
- Смирнова—оперная артистка.
- Свинкин—Никол. Ив., впоследствии член Окр. Суда.

Смиттен—Ник. Павл., впоследствии член Суд. Палаты.

Саванелли—Саванели, Харлампий Ив., один из основателей Тифл. Музык. Училища, любитель-певец, товарищ Чайковского по СПб Консерватории.

Тибеньков—Тебенков, Мих. Мих., правовед редактор газ. «Кавказ».

Ферзинг, М-ше—вдова известного певца, умершего в Тифлисе, сожительница Эпштейна.

Чези—пианист, проф. СПб. Консерватории.

«Чихирли-Пучурли»—азиатский ресторан «Тили-пучури».

Чайковские: Модест Ильич (он же Модя), драматург, либреттист, написавший трехтомную «Жизнь П. И. Чайковского».

Ипполит Ильич, подготовивший к печатанию дневники Ч[айковского].

Анатолий Ильич, (он же—Толя), вице-губернатор. Прасковья Владимировна (она-же Паня), жена последнего.

Татьяна, (она-же Татуся), дочь последних.

Шпажинская, Ю. П.,—жена известного драматурга и либреттиста.

Эпштейн,—Эдуард Осип., пианист, преподаватель Тифл. Муз. Училища (См. мою книжку «Кавк. Муз.», изд. II.).

Комментарии к дневнику и письмам за 1887 год

Вольшевский—Онис. Мих., учитель хор. пения во II Тифл. гимназии.

Гейдеман—Ив. Ив.; доктор.

Давыдова, Ал. Арк.,—вдова Карла Юл. Давыдова, сожительница писателя Михайловского.

- «Европа»—сад и ресторан на Михайловском проспекте.
- Кондратьев—Ник. Дмитр., приятель композитора.
- Корганова—Елена Осип., сестра композитора (Генария), известная оперная певица (Терьян-Корганова).
- «Кружок»—название клуба, где собиралось преимущественно чиновное общество.
- Ланко—Пав. Орест., владелец музык. магазина.
- Лидов—Афанасий Алекс., прокурор Кутаисск. Окр. Суда.
- Литке, Никс—Литке гр. Николай Федорович, чиновник Министерства Путей Сообщения, муж двоюродной сестры Чайковского. (Ред.).
- Опочинин—Петр Алекс., прис. повер., журналист, поэт, артист-любитель.
- Прибик—Иосиф Вячеслав., дирижер оперы [в Одессе].
- Придонов—Ал. Фом., владелец частной банкирской конторы.
- П. И. Ю.—Петр Ив. Юргенсон, известный музык. издатель в Москве.
- Прянишников—Ип. Петр., известный оперный артист.
- Савина—Мар. Гавр., известная артистка Александринского театра, гастролировавшая в Тифлисе с А. И. Южиным (Сумбатовым).
- Янковский—Викт. Осип., генерал, начальник жандармск. управления.
- Эмма—Жентон, француженка, гувернантка в семье Н. Д. Кондратьева.

Комментарии к последующим цитатам из дневника и письма [за 1889 г.]

- Alice*—гувернантка в доме Ан. Ил. Чайковского.
- Аргутинский-Долгорукий—Влад. Ник., князь, сын городского головы, гимназист.
- Быков—Мих. Фед., сын председателя Окр. Суда.

Бетинг—Людв. Ив., пианист, [препод. Моск. Консерватории].

Вестман—Илья Влад, командир 3-го Стрелк. батальона, виолончелист.

Вишневский—любитель-пианист, женоподобный.

Вырубов—Дм. Алекс., полковник, ад'ютант Главного начальствующего.

Lauth—содержательница кондитерской.

Майдель—Артур Юльевич, барон, член Суд. Палаты.

Мезенцев—Алекс. Серг., ад'ютант Главного нач.

Ортачали—окраина Тифлиса.

Сараджев—Ив. Фед., виолончелист, переподават. Муз. Училища.

Сафонов—казачий генерал, отец директора Московск. Консерватории.

Святополк-Мирский—Дм. Ив., князь, бывший помощник наместника.

Халатов—Серг. Богд., доктор; Исак Богд. (Цако), рантье-меломан.

Шерметьев—Серг. Ал., помощник Главного начальствующего.

Комментарии к письмам [за 1890 г.]

Амфитеатров—Алекс. Валент., известный романист и публицист.

Аренский—Ант. Степ., известный композитор.

Кошиц—опери. артист Тифл., потом Моск. Больш. Театра.

Матковский—Ис. Марк., пианист, преподаватель Тифл. Музык. Училища.

Мерклинг—Ан. Петр., любимейшая двоюр. сестра композитора.

Направник—Вл. Эд., был одно время секретарем И. Р. Муз. Общ., сын знаменитого дирижера Мар. Театра и композитора.

Персидский консул—Мирза-Риза-Хан, впоследствии посланник в Петербурге.

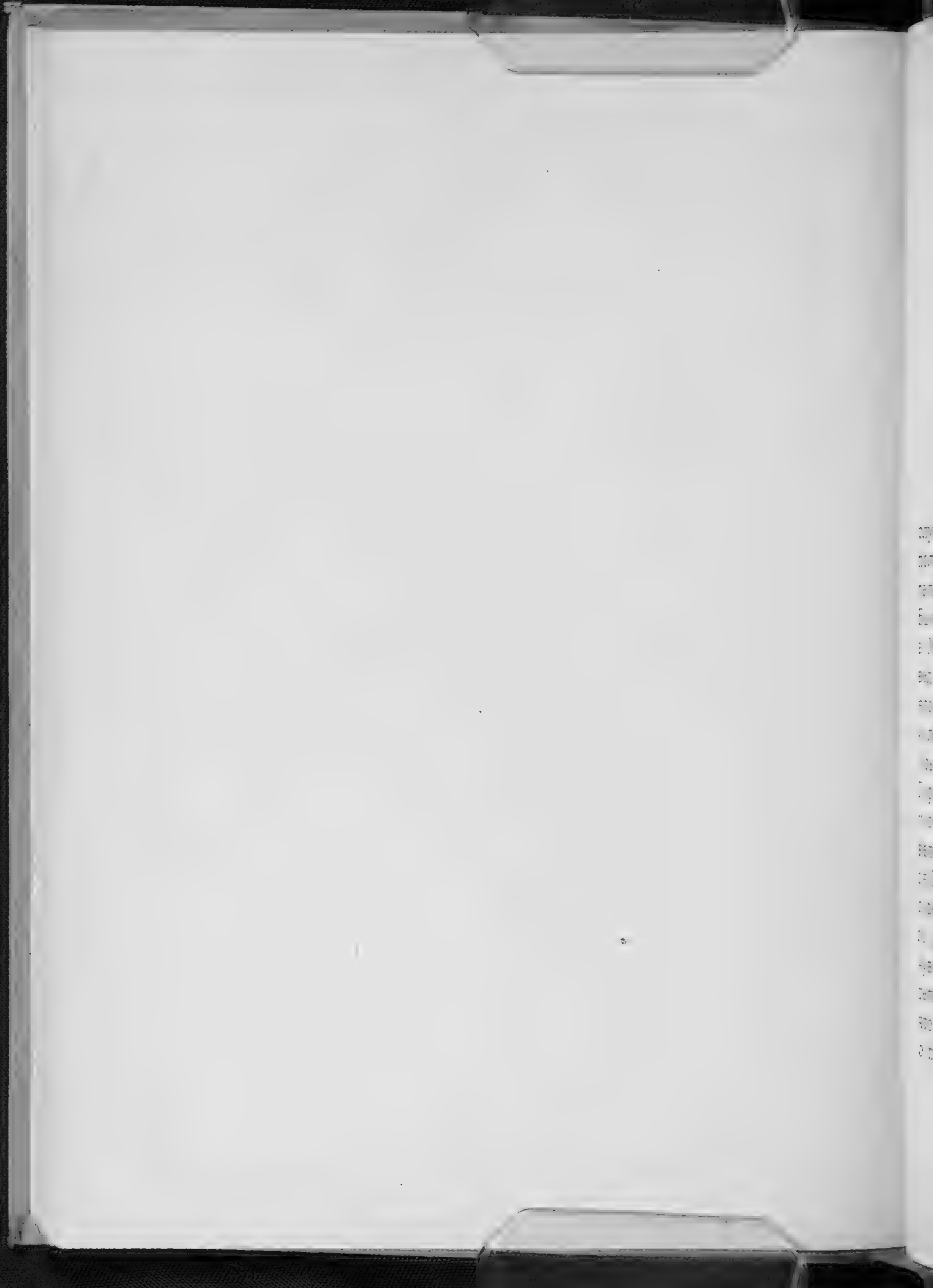
Танеев—Серг. Ив., композитор, профес. Моск. Консерватории.

Усатов—Дм. Алекс., оперный артист Моск. Больш. Театра, потом преподаватель Тифл. Муз. Уч.

Зилоти—Ал. Ил., известный пианист и дирижер.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ ЧАЙКОВСКОГО К Ф-МЕКК,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ЕГО ПРЕБЫВАНИЯМ НА КАВКАЗЕ

Владикавказ,

29 марта [1886 г.]

Милый, дорогой друг!

Как давно я Вам не писал! Где Вы теперь? На всякий случай пишу Вам это письмо в Вену. В Тифлисе надеюсь получить от Вас весточку и оттуда напишу более обстоятельно. Вот уже две недели, что я почти живу в вагоне. Был в Петербурге, день провел в Майданове, оттуда поехал в Москву и через два дня отправился в Таганрог, где провел два дня у брата Ипполита. Вчера приехал сюда и надеялся сегодня же выехать в Тифлис, но не достал экипажа и лошадей, и выеду завтра. Впрочем, не особенно сокрушаюсь от этой задержки. Погода чудная—совершенная весна. Горы в виду моей гостиницы (отвратительно грязной, хотя и считающейся лучшей), Казбек красуется во всем своем величии,—вид изумительно чудный. Таганрог мне понравился. В распоряжении моего брата имеется пароход, на коем мы совершили чудесную прогулку по морю. Расположение моего духа чудесное, здоровье превосходно, одним словом, я чувствую, что путешествие это подействует на меня освежительно и благотворно. Алексея я взял с собой и очень рад, что благодаря этому обстоятельству все хлопоты и заботы о путешествии лежат не на мне.

Тифлис.

1 апреля 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Из Владикавказа я писал Вам и адресовал свое письмо в Вену. Дошло ли оно до Вас? Если нет, то повторю здесь вкратце историю моего путешествия. Из Москвы я выехал 23 марта прямо в Таганрог, где погостил двое суток у брата своего Ипполита. Оттуда проехал в Владикавказ, где поневоле должен был прожить около двух дней, ибо не мог достать лошадей и экипажа для переезда через горы. Наконец, в воскресенье, тридцатого числа утром я выехал. Так называемая Военно-Грузинская дорога, об которой так много приходилось читать и слышать, превзошла всякие мои ожидания. Знаменитое Дарьяльское ущелье, подъем в горы, в сферу снегов, спуск в долину Арагвы,—все это изумительно хорошо, и притом до того разнообразны красоты этого пути! То испытываешь нечто вроде страха и ужаса, когда едешь между высочайшими гранитными утесами, у подошвы которых быстро и шумно течет Терек, то попадаешь в только что расчищенный между двумя снежными стенами путь и прячешься в шубу от пронизывающего до костей холода, то приезжаешь на ночевку в очаровательную горную местность, где станция снабжена чистыми комнатами, в которых очень приятно отдохнуть, то, наконец, при спуске открываются виды на даль, столь поразительно красивые, что хочется плакать от восторга. Одним словом, трудно представить себе путешествие, более богатое сильными и приятными впечатлениями. К тому же дорога так превосходна, задержек на станциях нет, лошади везут превосходно.

Самый Тифлис мне тоже чрезвычайно нравится. Я нашел здесь все фруктовые деревья в цвету, остальные начинают

зеленеть; солнце ярко сияет, в садах повсюду цветы,—словом, переход от Майданова, где я так недавно еще утопал в снегу, в эту южную природу производит обаятельное впечатление. По местоположению, а отчасти и форме построек, Тифлис напоминает некоторые итальянские города, особенно Флоренцию. Я успел уже сегодня исходить город настолько, что познакомился и с его европейскими кварталами, в коих улицы роскошны и магазины напоминают лучшие столичные, и со старыми кварталами, где проживают туземцы. Здесь узенькие улицы с бесчисленными лавками и ремесленными заведениями, работающими на виду у прохожих, кухни, в которых пекутся и варятся местные яства,—все это напомнило мне переулочки Венеции и Генуи. В общем, Тифлис мне очень по сердцу.

Тифлис,

23 апреля [1886 г.]

Дорогой, милый, бесценный друг!

Мое пребывание в Тифлисе на исходе. Если бы не то обстоятельство, что мне здесь невозможно было скрываться, что поневоле я должен был вести более или менее светскую жизнь, то я бы мог назвать весь месяц, проведенный в Тифлисе, одним из приятнейших в жизни. Особенное удовольствие доставляет мне лицезрение совершенно безоблачного счастья, которым наслаждаются мои близкие, т. е. брат Анатолий и жена его. Затем мне продолжает в высшей степени нравиться самый Тифлис с его чудным южным климатом и крайней оригинальностью. Здешние музыканты оказывают мне такое внимание и уважение, которые не могут не быть очень для меня трогательными. В субботу, девятнадцатого числа, в здешнем театре было устроено в мою честь большое торжество. Сначала к разукрашенной цветами ложе

моей подходили с речами, венками и драгоценным серебряным подарком депутаты от Музыкального Общества, театра, публики и т. д. Потом состоялся концерт из моих сочинений с бесчисленными вызовами и овациями. После того был ужин по подписке. Все это страшно меня утомило, но воспоминание об этом торжестве, подобного которому я еще никогда и нигде не удостоивался, будет мне на всю жизнь приятно.

Погода здесь стоит чудесная: все деревья убрались листьями и цветами; по улицам чувствуется их благоухание; в ясную погоду из Тифлиса хорошо видны Казбек и другие снежные вершины,—одним словом, здесь мне чудесно живется.

Море, близ Константинополя

3 мая 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

29 апреля я выехал из Тифлиса...

Брат и жена его проводили меня до Батума. Железная дорога на этом пути переваливает через горы и отличается необычайной живописностью. Самый Батум лежит в бухте, окруженной со всех сторон высокими лесистыми горами, из за которых виден и снежный главный хребет. Климат, судя по пальмам, растущим в городском саду, близок к иницкому. Провел там сутки и вечером тридцатого числа сел на французский пароход, идущий прямо в Марсель, с остановкой на сутки в Константинополе.

Я сохранил о Тифлисе и о моем месячном пребывании там самое отрадное воспоминание. Давно мне не приходилось среди городской жизни, несмотря на все доуки светской суеты, чувствовать себя столь веселым, бодрым и счастливым. Дело в том, что, по какому-то необыкновенно счастли-

вому стечению обстоятельств, люди, с коими мне приходилось сталкиваться, необыкновенно милые и мало требовательные. Меня, по возможности, оставляли в покое настолько, что я даже мог немного заниматься.

С.-Петербург.

17 июня 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Вчера вечером я приехал в Петербург, где останусь два дня по поводу одного музыкального дела. Я невероятно рад своему возвращению в Россию, хотя с удовольствием думаю и о своем путешествии. Пребывание в Тифлисе и путешествие на пароходе представляются мне каким-то приятным сном.

Майданово,

9 сентября 1886 г.

Милый, дорогой друг мой!

Письмо Ваше доставило мне чрезвычайное удовольствие. Мне приятно, что Вы испытали такое сильное наслаждение от поездки Вашей. Из этого я заключаю, что Вам путешествия в мало знакомые красивые места не только приятны, но полезны и даже необходимы. Ввиду этого у меня явилась смелость посоветовать Вам съездить будущей весной или ранней осенью на Кавказ. В первую минуту Вам покажется странно, что я предлагаю Вам план столь отдаленного путешествия, но уверяю Вас, что это вовсе не так трудно, как кажется. В своем вагоне Вы доедете до Владикавказа, а там совершите менее чем в сутки переезд через горы по знаменитой Военно-Грузинской дороге до Тифлиса в коляс-

ке, с проводниками, с остановками в комфортабельных станциях, причем я берусь через брата устроить, что на всех станциях Вам будут отводить царские комнаты. Много пишут и говорят про чудеса этой дороги, но действительность далеко превосходит все описания! Если бы Вы на это решились, то из Тифлиса можно проехать в Боржом и там прожить некоторое время. Говорят, что Боржом—верх красоты и что жизненные удобства там все имеются.

Боржом,

13 июня 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Третьего дня я приехал в Боржом. В Тифлисе стояли такие несносные жары, и вообще в такое жаркое время пребывание в городе до того несносно, что я очень рад был уехать. Дорога до Боржома очень удобна и живописна. Самый же Боржом в первые часы после приезда показался мне мрачным и наводящим уныние. Я думаю, что всякий русский человек, привыкший к простору и широким горизонтам, должен почувствовать то же, что и я, когда он попадает в тесную долину, со всех сторон окруженную огромными горами. Но это ощущение жуткости прошло у меня на другое утро после первой же прогулки. Для любителя пеших прогулок здесь сущее раздолье. Парки величественные и все они непосредственно переходят в густые, тенистые леса. Я в первое же утро до того увлекся чудной прогулкой по тропинке, приведшей меня в лес, а потом на открытое место, с которого открылся невообразимо прекрасный ландшафт, что уж навсегда влюбился в Боржом. Разнообразие прогулок необычайное, и нигде почти не встречаешь людей, что мне в особенности и нравится. Кроме удивительных кра-

сот природы, здесь имеются и минеральные источники, из коих один совершенно подобен воде Виши, а так как я давно уже собирался попить воды, то и решился здесь выдержать курс лечения. Сегодня утром был у доктора, заведующего водами. Он очень обстоятельно осмотрел меня, долго постукивал и выслушивал и, наконец, пришел к заключению, что у меня печень несколько не в порядке, т. е., что вследствие давления желудка она попала куда-то, куда ей не следует. Я буду в течение шести недель пить по два раза в день воду и брать ежедневно теплые минеральные ванны. И то и другое я уже сегодня начал. Вода очень напоминает Виши; она щелочная, пропитана углекислотой и очень приятна на вкус.

Боржом,

22 июня [1887 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Вы спрашиваете про Боржом. Это есть маленький летний городок, еще очень недавно обстроившийся. Находится он среди необычайно живописной местности и принадлежит вел. кн. Михаилу Николаевичу, у которого здесь великолепный дворец. Составляющие самый городок здания суть дачи и виллы, из коих некоторые—каменные (например, наша дача). Больших и роскошных дач, впрочем, нет. Гостиниц несколько, но только одна из них сносная; остальные плохи. Местность боржомская есть ущелье реки Боржомки, впадающей здесь в р. Куру. Красота прогулок, их обилие и разнообразие превосходят все, что можно вообразить. Главная прелесть всех прогулок есть обилие тени и чудный, пропитанный смолистыми испарениями воздух. Кроме всевозможных красот, есть в Боржоме минеральные

воды, отлично организованные, а ванны так даже просто роскошные. Один из источников близко подходит к Виши, и я, по совету здешнего доктора, пью его два раза в день по два стакана. Воды эти покаместь действуют на меня очень хорошо. Впрочем, я о Боржоме не буду много распространяться, ибо высылаю Вам сегодня же книжечку специально посвященную его описанию. О, как бы я желал, чтобы, читая эту книжечку, Вам захотелось бы побывать на Кавказе и чтобы в будущем году Вы совершили сюда поездку. Мне кажется, дорогая моя, что это путешествие, благодаря новизне впечатлений и невообразимой красоте Кавказа, имело бы на Вас самое благодетельное влияние. Удовольствия и комфорта при Ваших средствах Вы можете иметь сколько угодно.

Что касается Тифлиса, то это вполне европейский город, отлично устроенный, чистенький, с превосходным климатом, роскошными магазинами, отличной оперой (в прошлом году я слышал здесь образцовое исполнение «Мазепы»), одним словом, город, вполне отвечающий потребностям цивилизованного европейца. Но в то же время в Тифлисе рядом с европейскою частью города есть и настоящий, вполне характерный азиатский город. И это соединение Азии с Европой и составляет его главную прелесть. Про климат нужно еще заметить, что лето в Тифлисе слишком знойно, даже до того, что почти жить нельзя, зато зима совсем итальянская, а самая лучшая часть года есть осень, т. е., октябрь и ноябрь. Я дал слово тифлисской дирекции театров. Прелесть в ноябре дирижировать первым представлением «Чародейки» и радуюсь, что благодаря этой поездке Вы увидите Тифлис в лучшее время года.

Боржом,

1 июля 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я неожиданным образом должен покинуть Боржом. Вам известно, в каком печальном состоянии находился мой друг Кондратьев в мае и июне.

Именины свои я отпраздновал невесело. У меня уже были в руках такие известия, из которых я заранее предвидел, что моему бедному больному в одиночестве и на чужбине нужно будет мое присутствие. Мне очень, очень, очень жаль покидать Боржом, но мысль, что я исполняю долг дружбы, мирит меня с необходимостью покинуть столь очаровательное место и столь милое моему сердцу общество.

Боржом,

5 июля [1887 г.]

Милый, дорогой друг мой!

Вероятно, Вы получили письмо мое, в котором я уведомлял Вас, что вследствие телеграммы от больного друга моего Кондратьева из Ахена я принужден покинуть Боржом и ехать в Ахен... С дороги и из Ахена буду писать Вам. Я очень, очень расстроен и печален. Но делать нечего, нужно расстаться с восхитительным, симпатичнейшим Боржомом.

Ахен,

20 июля 1887 г.

Милый, дорогой друг мой!

Расскажу Вам про свое путешествие и про впечатления, испытываемые здесь.

6 июля я выехал из Боржома. Седьмого сел на пароход и приехал в Одессу на пятые сутки. Из Одессы выехал двенадцатого числа, в Вене остановился лишь на несколько часов и пятнадцатого числа, в среду, вечером приехал сюда. Всю дорогу я страшно тосковал и решительно не мог думать без слез об столь неожиданно покинутом Боржоме, где мне так хорошо жилось во всех отношениях.

Лондон,

11/23 марта 1888 г.

Милый, дорогой, бесценный друг!

Мечты посетить Италию пришлось оставить; я должен торопиться домой, но так как ни в Петербурге, ни в Москве теперь быть мне невозможно, ибо вместо отдыха я должен был бы опять-таки попасть в круговорот общественной жизни, а с другой стороны, деревенского убежища у меня нет,—то я решился ехать прямо на Кавказ, в Тифлис, где меня с большим нетерпением ожидают.

Тифлис,

29 марта 1888 г.

Вот я, наконец, и в Тифлисе, дорогой, милый друг мой! Переваливши через хребет, я попал прямо в жаркое, даже слишком жаркое лето, так как солнце обожгло мне дорогой лицо, и я вот уже три дня хожу с совершенно красным носом и левой половиной лица. Фруктовые деревья цветут, все остальные уже покрыты весенней листвой, и мне теперь как-то дико подумать, что ровно три недели тому назад я мерз в вагоне по дороге в Англию и снежный занос остановил наш поезд где-то в поле на целых два часа.

Дорогое письмо Ваше от 16 марта я получил. Вы пишете о дурной погоде, преследующей Вас, и о том, что Вы стосковались об юге. По этому поводу я опять, как однажды в прошлом году, не могу удержаться, чтобы не попытаться соблазнить Вас поездкой на Кавказ. Что это за чудная страна! Сколько в ней разнообразной красоты и какое наслаждение находиться в местах, не опошленных английскими туристами, почти девственных и неизменно богатых впечатлениями. К сожалению, ехать сюда для Вас слишком далеко, хотя путешествие можно обставить самым комфортабельным образом.

г. Тифлис,

13 апреля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Я застал в Тифлисе совершенно июльский зной, фруктовые деревья в цвету и даже несколько слишком душны ночи. После ужасной парижской и лондонской погоды чрезвычайно приятно было очутиться на благословенном юге, и под волшебным впечатлением роскошной кавказской природы я помню, что в предыдущем письме моем вздумал опять советовать Вам посетить Кавказ. Конечно, это путешествие, в конце концов, слишком утомительно, и вряд ли Вы решитесь на него, но, когда я вижу здешние красоты, мне всегда ужасно хочется, чтобы и Вы их видели.

Своих я нашел совершенно здоровыми. Маленькая племянница моя Таня очень выросла, стала очаровательно болтать по-французски, и во всех отношениях она очень развилась и изменилась к лучшему. Брат Анатолий и жена его все более и более привязываются к Кавказу и не хотят и слышать о переезде на север. И в самом деле, все как-то

сложилось для них здесь необыкновенно благоприятно, ибо даже и люди здесь какне-то особенно милые, и я сам, находясь здесь, смутно сознаю, что человек настоящим образом может наслаждаться жизнью лишь в таких странах, где солнце всегда греет и где, куда не взглянешь, все—красота. Однакож, привычка делает то, что без моего туманного, холодного севера я обойтись не могу.

с. Фроловское, г. Клин,

24 апреля 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Относительно Кавказа скажу Вам, что знаменитые кавказские лихорадки свирепствуют далеко не повсеместно и что, например, в божественной Алазанской долине (в Кахетии), где Вам бы следовало приобрести себе имение, об них и помину нет. Лихорадки бывают на Черноморском берегу, например, в С у х у м е, но и то их жесткость очень преувеличивают. Что касается помещения, то в Кахетии можно, наверно, достать имения с богато устроенными усадьбами. В больших городах гостиницы хороши, а в Тифлисе гостиница «Л о н д о н» превосходна.

Москва,

24 мая [1888 г.].

Милый, дорогой друг мой!

Климат в Тифлисе зимой очень теплый; это мне известно самым положительным образом. Ветры периодически бывают, но от них страдает лишь часть города, называемая К у к и. Это нечто вроде сквозного ветра из горных

ущелий. Степень теплоты зимнего климата такова, что в новый год очень часто ходят в одних платьях. Самыми лучшими месяцами считаются апрель и май и потом сентябрь, октябрь, ноябрь. Самым худшим—март, который дождлив. Июнь, июль и август слишком жарки, до того, что на день все запираются и живут только вечером и ночью. Землетрясения в Тифлисе бывали, но, во-первых, очень слабые, во-вторых, очень давно. Более подробные сведения я сообщу Вам из Фроловского, а также пришлю книги, касающиеся Кавказа, если таковые имеются. Впрочем, теперь же могу Вам указать на книгу Владыкина «Путеводитель по Кавказу», из коей Вы можете почерпнуть много интересных сведений. Отлично помню, что в этой книге есть очень подробное описание тифлисского климата. Как я желал бы, чтобы мысль Ваша пожить зимой на Кавказе осуществилась! Вы могли бы, мне кажется, купить имение в Кахетии, в Алазанской долине, и устроить себе там подходящее к Вашим требованиям и привычкам местожительство. Если прикажете, я попрошу брата Анатолия собрать сведения о продающихся имениях, а также подробности насчет того, где бы Вам можно было найти помещение в самом Тифлисе.

с. Фроловское,
1 июня [1888 г.].

Милый, дорогой друг мой!

Я надеюсь, что Вы получили мое письмо, адресованное из Москвы. В письме этом по поводу Ваших вопросов о Кавказе я написал Вам, что поищу у себя книг, способных раз'яснить подробности о кавказском климате и о всем, что Вам может быть интересно насчет Кавказа, Тифлиса и т. д. Но у меня не нашлось ничего, кроме книги Владыкина, о которой я упомянул уже Вам в прошлом письме, «Очер-

ков» Маркова, уже Вам известных, и «Военной истории Кавказа», составленной г. Потто. Из этих трех книг всего обстоятельнее познакомит Вас с Кавказом Владыкин. Вероятно, Вы уже приобрели ее; если же оказалось, что ее в продаже нет, то, как только Вы прикажете, я немедленно пошлю Вам ее.

с. Фроловское,
4 июня 1888 г.

Милый, дорогой друг мой!

Сегодня получил письмо Ваше. Глубоко сожалею, что Вы отказались от мысли о Кавказе.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. П. И. Чайковский—Фронтиспис.
 2. Факсимиле письма Чайковского И. Б. Халатову. (Тифлис, 22 сент. 1890 г.). X
 3. Струнный квартет в доме И. З. Андроникова. 1
 4. П. И. Чайковский в 1886 г. 19
 5. Обед, данный в честь Чайковского в Ортачалах (Тифлис), 1889 г. 59
 6. Групповой снимок участвующих на обеде, данный в честь Чайковского в Ортачалах (Тифлис), 1889 г. 65
- Лица, участвовавшие в этой группе, следующие (по В. Д. Корганову), слева направо:
- I ряд. **Лавров, Серг. Мих.**, любитель-исполн., акцизный чиновник. **Ип.-Иванов, Мих. Мих.**
- II ряд. **Переслени, Н. В.**, **Бырубов, Д. А.**, **Мезенцев, А. С.**, **Статковский, Бол. Игн.**, начальник ниж. Кавк. Округа Путей Сообщения. **Рябинин, Г. И.**, **Опочинин, П. А.**, **Сараджев, И. Ф.**, **Корганов, В. Д.**, **Питоев, Ис. Ег.**, **Пугинов, Дм. Мих.**, любитель пианист (за спиною Питоева). **Хачатуров, Хр. Гр.**, редактор-издатель газеты «Тифл. Листок». **Псаров, Ив. Ег.**, кассир, а впоследствии управляющий Тифл. Общ. Взаимн. Кредита. **Глоба, Фед. Вас.**, свояк Питоева, чиновник Канцелярии Главногоначальствующего. **Бутыркин, Вас. Гавр.** управ. Тифл. Казенной Палатой.
- III ряд. **Бабов, Ег. Серг.**, доктор медицины (за спиною Переслени). **Тер-Григорьян, Григ. Касп.**, д-р мед. (за спиною Бабова). **Хачатуров, Ив. Гр.**, репортер, фактически руководитель «Тифл. Листка». **Тер-Асатуров, Гр. Богд.**, директор Городск. Кред. Об-ва. **Гаккель, М. П.**, **Чайковская, Пр. Вл.**, **Чайковский, П. И.**, **Зарудная, В. М.**, **Тебеньков, М. М.** **Андроникова, кв. Ел. Мих.**, жена инженера, снимавшего группу. **Караяни, родственница Питоева**, любительница-певица.
- IV ряд. **Халатов, Ис. Богд. (Цако)**, меломан-рантьс. **Каргозин, В. В.**, **Мелик-Адамов, Сокр. Степ.**, прис. повер. **Араратский, Григ. Мих.**, родственник Питоева. **Пахомов, Вас. Ник.**, казак, юрист, журналист, любитель-артист. **Криштопенко, Георг. Кондр.**, офицер при штабе. **Байсоголов, Григ. Осип.**, кассир «Кавк. банка». **Тамамшев, Вас. Мих.**, ад'ютант Главногонач. **Агаларов, Давид-хан**, прапорщик милиции, рантьс. **Хржановский, Пав. Павл.**, военный судья

Кс
Тс
Вс
К
Ч
М

Хржаповская, жена его, любительница-певица. Вакулин.
Ник. Мих., певец-любитель, следователь Военно-Окр. Суда.
Горский, К. К., Зейс-фоп-Вейсенхов, Станисл. Адольф.,
инженер полковник.

Две неясные фигуры официантов.

В правом нижнем углу кн. П. З. Андроников.

7. П. И. Чайковский	66
8. Проводы Чайковского в Тифлисе. 1889 г.	67
9. Проводы Чайковского в Тифлисе. 1889 г. В „Белом Духане“.	68
10. Проводы Чайковского в Тифлисе. 1889 г.	75
11. Программа концерта, организованного Тифл. отделением
Русск. музыкального о-ва, по случаю смерти Чайковского. . .	80

Е

Тех. редактор
Ст. Алтунян
Корректор
М. Ерзникян

Упол. Главлита Дж—1185 Изд № 5221
Заказ 327, Тираж 2000

Сдано в производство 11 IV—40 г.
Подписано в печати 27 VI—40 г.

Арм. Гиз, Ереван, ул. Ленина № 65

ица. Вакулин.
нно-Окр. Суда.
нса. Адольф.,

ов.

. . . 66

. . . 67

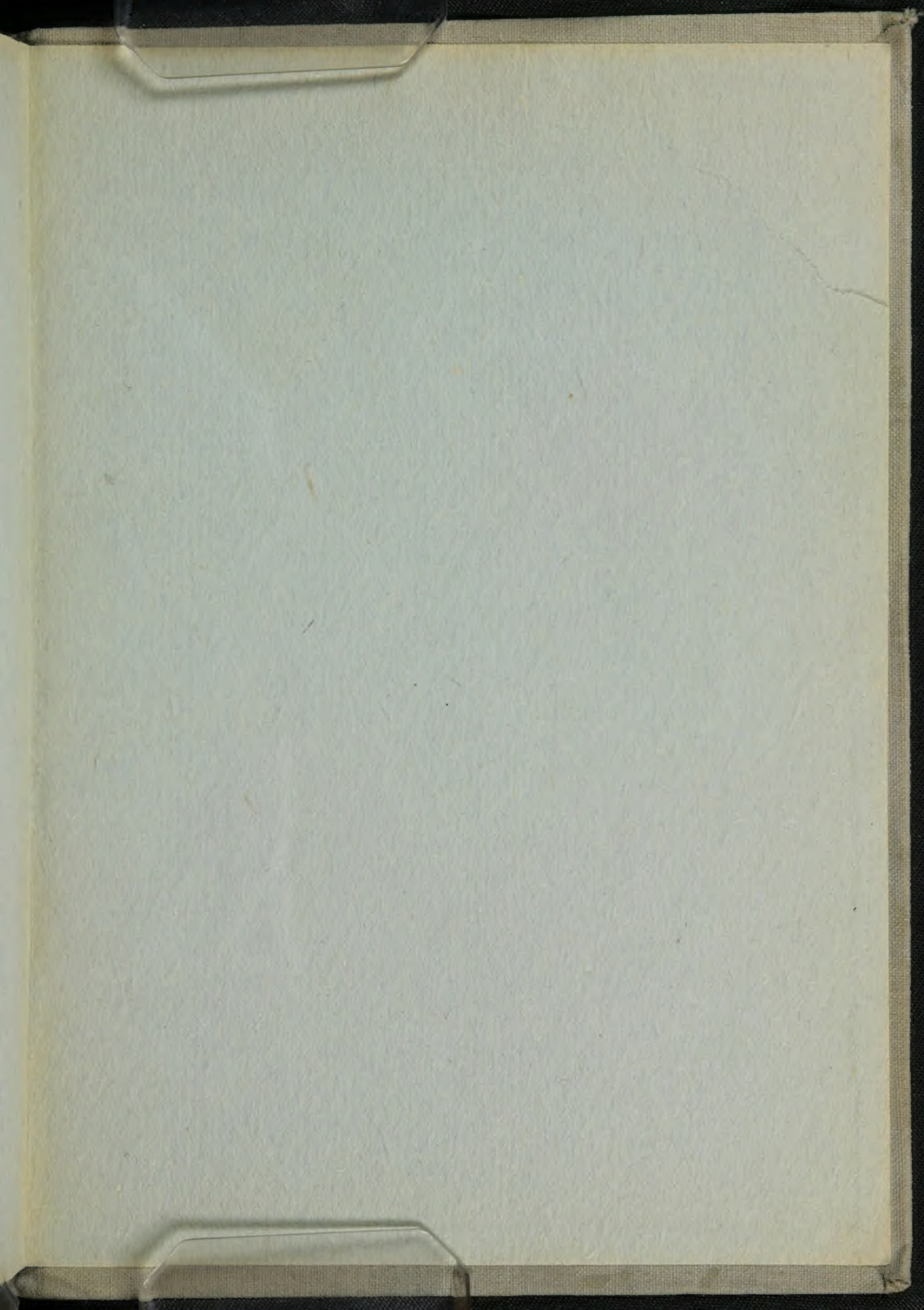
ом Духане". 68

. . . 75

слением

ского. . . 80

4-30

1947

1947